

Анита Дункерс

Сказки про музей

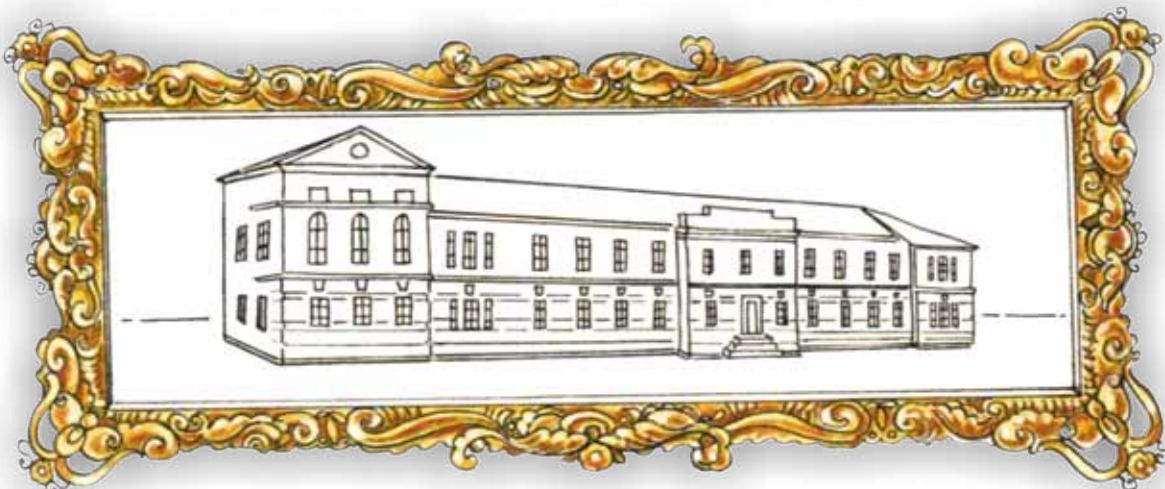
Anita Dunkers

Starinoja musejošta

Анита Дункерс
Сказки про музей

Художник Маргарита Юфа

Anita Dunkers
Starinoja musejošta

Гаителиja Margarita Juſa

VERSO

Петрозаводск, 2019

Рецензенты:
старший научный сотрудник Центра музейной педагогики и детского творчества
Государственного Русского музея С. Г. Маслова;
ведущий научный сотрудник Центра музейной педагогики и детского творчества
Государственного Русского музея,
кандидат педагогических наук Н. Д. Соколова

В книге использованы репродукции с произведений из коллекции
Музея изобразительных искусств Республики Карелия

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Карельского Просветительского Общества

Переводчик Ирма Алексеева / Kiäntää Irma Aleksejeva
Редактор Ольга Мелентьева / Toimittaja Olga Melentjeva

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	Что такое музей?	4
Глава 2	Жанры живописи	12
Глава 3	В мастерской художника	20
Глава 4	Искусство скульптуры	28
Глава 5	Волшебная линия	36
Глава 6	Анималистическое искусство	44

SIÄMYSIÄ

Luku 1.	Mi on museo?	5
Luku 2	Mualauštaitolajit	13
Luku 3	Taiteilijan työpajašsa	21
Luku 4	Kuvantehtaito	29
Luku 5	Taikaviiva	37
Luku 6	Eläinaiheini taito	45

Дункерс, А. О.

Сказки про музей / А. О. Дункерс, илл. М. М. Юфа. — Петрозаводск: VERSO, 2019.

Книга «Сказки про музей» предназначена для детей младшего школьного возраста и представляет собой рассказ о художественном музее. Текст сказок написан доступно, с юмором, живым разговорным языком, с учетом психологических особенностей младших школьников. Книга может быть использована для семейного чтения и поможет вашему ребенку подготовиться к первому знакомству с изобразительным искусством.

© А. О. Дункерс, текст, 2019
© М. М. Юфа, ил., 2019
© И. Алексеева, перевод, 2019
© МИИ РК, 2019

Глава 1
ЧТО ТАКОЕ МУЗЕЙ?

Был самый обычный летний день. Сотрудники музея были заняты своими делами: водили экскурсии, готовили новые выставки, изучали экспонаты.

Одна из сотрудниц, Анита, стояла у открытого окна. Вдруг она услышала жужжение и почувствовала лёгкий аромат корицы и ванили. Она обернулась и увидела прямо перед собой круглое, румяное существо с зонтиком в руке. Звук издавал пропеллер, торчавший из зонта. Анита не поверила своим глазам... Кого-то это существо явно напоминало. Очевидно, выражение её лица было настолько удивлённым, что румяный толстячок радостно и довольно рассмеялся. Тут Анита пришла в себя и изумленно спросила: «Ты кто?».

— А ты догадайся! — раздалось в ответ. И существо запело: «Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл...»

Ситуация была настолько нереальной, что бедная Анита снова допустила оплошность. «Как ты сюда попал?» — спросила она.

Колобок с важным видом надул губы и сказал: «Мы, известные сказочные герои, можем летать, где хотим!».

Аните вдруг показалось, что сейчас он обидится и улетит, и поэтому она поспешила продолжить разговор.

— А где ты сейчас живёшь?

— На чердаке твоего дома. А ты живёшь здесь одна или с семьёй?

Разговор принимал светский характер.

— Колобок, это не мой дом. Это Музей изобразительных искусств. И здесь живу не я, а картины, рисунки и скульптуры. Хочешь посмотреть? А я здесь работаю.

— Хочу! — воскликнул толстячок и весело вкатился внутрь.

— Оп-ля! — гулко раздалось под потолком, и Анита увидела, как толстячок лихо съехал вниз по перилам и уселся на них, болтая пухлыми ножками.

— Колобок! — в отчаянии воскликнула сотрудница. — Ты что? Этого нельзя делать!

— А что? — спросил маленький хулиган. — Почему это нельзя кататься по таким замечательным перилам?

— Да потому, что в музее все ведут себя спокойно, чтобы не шуметь, ничего не испортить и никому не мешать. Ты обратил внимание на то, что в музее очень тихо? — спросила Анита и на всякий случай взяла у Колобка зонтик с моторчиком.

— Так ведь нет, наверное, никого! — высказал предположение Колобок.

— А вот и нет! Ведь многие картины художник писал очень долго, он хотел поделиться

Luku 1
MI ON MUSEJO?

Oli ihan tavallini kevätpäivä. Musejon ruatajat hoigettih omie as's'ojaa: pietih oppimatkoja, valmisseltih uušie näyttelyjä, tutkittih näyttelyesinehie.

Yksi ruatajista, Anita, seisoo avautun ikkunan luona. Yhtäkkie hiän kuuli hyrinän ta tunti kanelin ja vanilin vienon tuokšun. Hiän kiänty ja näki ihan iešäh pyörjen, punapoškisen olennon, kumpasella kiässä oli sontikka. Hyrinä kuulu propellista, kumpani törrötti sontikaasta. Anita ei uškon šilmieh... Tuo olento oli selvästi muissuttan hänellä ketä lienöy. Anita ilmeisesti näytti niin kummaštunuolta, jotta punapoškini pamppu ilosesti ja tytyväisesti purškahti nakruh. Vähäsen toipuon Anita hämmästyntökyky: "Ken šie olet?".

— A šie arvua! kuuli hiän vaštah. Ta olento rupesi laulamah: "Ämmön luota mäni, ukon luota mäni..."

Tuo näytti niin uškomattomalta, jotta Anita-raukka tuaš erehty: "Mitein šie tänne piäsit?" kyky hiän.

Pyörykäini mahtavan näkösenä pullisti poškieh ta šano: "Myö, šuarnojen tunnetut šankarit, šuamma lennellä, missä tahomma!".

Anita ajatteli, jotta nyt še šiäntyy ta lentää pois, šentäh hiän kiirehti jatkamah pakinua.

— A missä šie nyt elät?

— Šiun kotis lakašsa. A šie tiälä yksinähkö elät vain perehen kera?

Pakina alko tuntuo jo ihan tavalliselta pakinalta.

— Pyörykäini, tämä ei ole miun koti enkä mie tiälä elä. Mie olen tiälä töissä. Tämä on Taitomusejo. Tiälä eletäh taulut, piirušukset ta vešokset. Tahotko kačuo?

— Tahon! karjahti pamppu ta ilosena vieri šiameh.

— Ho-o-p! kajahti luan alla, ta Anita näki, kuin pamppu hurjahti laškeutu käsiputta myötäala ta istuutu niillä heiluttaen pakšuhkoja jalkojah.

— Pyörykäini! epätoivoša karjahti musejon ruataja. — Mitä šie? Näin ei šua ruatua!

— A mintäh? kyky pikku pahanruataja. — Mintähpä ei šua laškie noin mukavie porrašputta myötä?

— Ka šentäh, kun musejoša kaikki käyttäyvtää rauhallisesti, melumatta, mitänä piluamatta ta häiričemättä toisie. Oletko huomannun, jotta musejoša on ylen hil'l'aista? kyky Anita ta kaikkien varalta otti Pyörykäiseltä sontikan, kumpasešša oli pieni mouttori.

— Ka viših ei ni ole ketänä! arveli Pyörykäini.

— Ka vot i ei! Taiteilija oli viikon mualannun monie tauluja. Hiän tahto kertuo meilä ylen

с нами очень важными мыслями. И поэтому в музее принято говорить тихо, чтобы не мешать посетителям.

— Да, как это мне понятно и близко,— грустно сообщил Колобок.— Ведь я в душе художник. Когда-нибудь я покажу тебе мой шедевр, он называется «Встреча Колобка с Лисой». Это трагическое произведение,— закончил он, тяжело вздохнув.

— Я с удовольствием посмотрю,— сказала Анита. А теперь, может быть, пойдём в залы,— она старалась отвлечь Колобка от грустных мыслей. Но это было лишнее, так как толстячок уже важно поднимался по лестнице и бубнил:

— Теперь я тоже посетитель, буду думать о картинах, и никто не будет мне мешать.

Когда они вошли в большой и торжественный зал, где висели старинные картины, Колобок, окинув их взглядом и показав пальцем на одно из полотен, небрежно заметил:

— У меня есть дома точно такая же картина.

— Нет,— возразила Анита,— у тебя дома висит репродукция с этой картины.

— Сама ты дуракия,— возмутился посетитель,— да у меня...

— Не обижайся, пожалуйста,— перебила она,— в этом нет ничего плохого. Ведь картина эта единственная. Это подлинник, он создан самим художником. А репродукция — это фотография с картины, напечатанная на бумаге. У очень многих людей дома висят репродукции с известных произведений, находящихся в музее.

— А что это за таблички такие?— живо спросил он, приблизившись к одной из картин.

— Это этикетки, они есть под каждой картиной. Видишь, на них написана фамилия художника, даты его жизни, название картины, год, в который она создавалась, и техника.

— Техника!— вскричал толстячок.— Да я ненавижу технику! Однажды, когда я спокойно катился по дороге, меня чуть не задавила машина. С тех пор я и завёл себе зонтик с мотором...

Но Анита не дала ему закончить:

— Колобок, здесь речь не об этой технике, а о том, какими красками и на чём создана картина. Видишь, написано: «холст, масло». Это значит, что художник писал картину на холсте масляными красками. А здесь написано: «бумага, акварель», значит, художник писал акварельными красками по бумаге.

— Правильно,— снисходительно отреагировал шалун,— а под мои картины надо поместить этикетку, например: «Самый круглый в мире Колобок. Встреча Колобка с Лисой. Бумага, карандаш».

tärkeitä ajatukšie. Šentäh musejošša on tapana čuhuttua, jotta olla häiričemättä kävijie.

— Kyllä, mie šen niin hyvin ymmärrän, ikävästi virkko Pyörykäini.— Miehän olen taiteilija šieluštani. Konšanah mie näytän šiula miun meštaritevokšen. Šen nimi on “Pyörykäisen ta Revon tapuamini”. Še on traagini tevoš, henkähtyän šyväh lopetti hiän.

— Kačcosin mielelläni, šano Anita. — A nyt läkkähän šaliloih, hiän kuot'teli kiäntyä Pyörykäisen huomijon šurullisista ajatukšista. Ka šitā ei ni tarvinnun, šentäh kun pamppu jo mahtavana harppi ylös rappusie myöten ta höplötti:

— Nyt mie niise olen kävijä, rupien ajattelomah tauluja, eikä kenkänä milma häiriče.

Konša hyö tultih šuureh juhlalliseh šalih, missä oli riputettu vanhoja tauluja, Pyörykäini kaččo ympäriillä, a šiitā juohatti šormella yhteh tauluh ta huomautti šeläškättä:

— Miula koissah on ihan šamanmoini taulu.

— Ei, vaštasi Anita, — šiula koissaš on tämän taulun reproduktijo.

— Iče šie olet duktijo, šiänty kävijä, — ta miula...

— Elä ota ičekšeš, hyvä Pyörykäini, keškeytti hiän,— Tässä ei ole mitänä pahua. Tämähän on ainut taulu. Tämä on aito mualauš, kumpasen iče taiteilija oli luatin. A reproduktijo on paperilla painettu taulun valokuva. Monilla ihmisiillä kotiloissa on museoissa šäilyjien tunnettujen tevokšien reproduktijoja.

— A mitpä nuo nimitaulut ollah? Pyörykäini äkkie kyšy läheštyön yhtä tauluo.

— Ne ollah nimiraput. Šemmosie on jokahisen taulun alla. Niät, niih on kirjutettu taiteilijan šukunimi ta elinaika, taulun nimi, vuosi, konša še oli luajittu, ta teknikka.

— Teknikka! karjahti Pyörykäini. Miehän vihuan teknikkua! Kerran, konša mie vierin tietä myöten, auto oli vähällä ajan miun piällä! Šen jälkeh mie olen hankkin ičelläni sontikan, kumpasešša on mouttori...

Ka Anita ei antan hänellä lopettua:

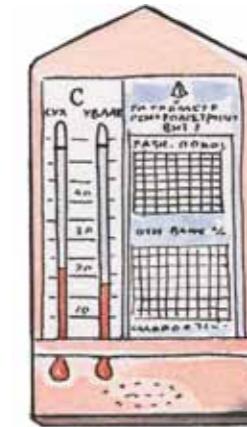
— Pyörykäini, tässä pakina ei ole tuommosesta tekničkašta, a šiitā, mimmosilla mualiloilla ta millä pohjalla taulu on luajittu. Niäthän kirjutukšen: “kankaš, voimuali”. Tämä tarkottau, jotta taiteilija mualasi taulun kankahalla käyttäen voimualija. A täh on kirjutettu: “paperi, akvarellivärit”. Tämä tarkottau, jotta taiteilija on mualannun akvarellivärlöillä paperilla.

— Oikein, veitikkä totesi myötämielisešti. — Miun taulujen alla pitää panna, esimerkiksi, šemmonni nimirappu: “Muajilman pyörein Pyörykäini. Pyörykäisen ta Revon tapuamini. Paperi, kynä”.

А́вгуст Толльяндер
«Петр I». 1874
Холст, масло. 140 x 115

August Toljander
“Petri I”. 1874
Kankaš, voimuali. 140 x 115

— Я ведь рисую в свободное время, — добавил он с достоинством.

— Молодец! — похвалила Анита.

— Я уже говорил тебе, что я очень умный?

— Нет, ещё не говорил. Но раз уж ты такой умный, то скажи, почему в музее ничего нельзя трогать руками?

— Как почему? Поди, пыли полно кругом — пыль веков! Так ведь и руки можно испачкать, а я их недавно помыл, вчера.

— Какая же у нас пыль! — возмутилась Анита. — Знаешь, как у нас следят за коллекцией! Ведь коллекция, то есть то ценное собрание произведений искусства, что собрано в нашем музее, это для него самое главное. И поэтому её очень берегут. Всё вытирают, а акварельные рисунки даже стеклом защищают от пыли.

Вдруг Колобок округлил и без того круглые глаза и показал пальцем на стенку:

— А это что за градуснички такие?

— Это не градусники, а специальные приборы для измерения температуры и влажности — психрометры.

— Ой, как смешно, — захихикал он.

— Ничего смешного. Они в музее просто необходимы. Если в зале будет долгое время холодно и слишком влажно, то на картинах может появиться плесень. А если затем резко поднять температуру, то станет слишком сухо, и картины высыхнут и потрескаются.

— Кошмар! — немедленно отреагировал Колобок. — У меня тоже бывает и температура... и влажность. Вот и сейчас у меня жар, — он приложил пухлую ладошку ко лбу.

— У тебя нет конфеты? Я где-то читал, что это лучшее средство от жара.

Анита достала из кармана конфетку и протянула сладкоежке.

— Знаешь что, — сказал Колобок, — раз у меня жар, то ты должна стать мне родной бабушкой: уложить в постель, дать конфету и рассказать сказку. Может быть, я и поправлюсь.

— Miehän piirušan joutavana aikana, hiän lisäsi ylpien näkösenä.

— Moločča! kehu Anita.

— Olenko mie šiula kerton, jotta mie olen ylen hajukaš?

— Et, et ole vielä kerton. Ka kun kerran šie olet niin viisaš, ni kerro, mintäh musejošša ei šua mitänä käsillä koškie?

— Ka tottaš šentäh kun pölyö ympärillä on äijän — šatavuotiset pölyt! Niin vet i kiät voijah likautuo, a mie vašta tuanoin pesin ne. Eklein...

— Mimmoistahan pölyö meilä! Anita šiänty. — Tiijätkö, mimmoista huolta meilä pietäh kokoelmašta! Vet' kokoelma ili juštih še arvokaš taitotevokšien kokomuš, mi on kerätty miän musejoh, on musejolla tärkeintä. Ta šentäh kaikki pietäh šiitää šuurta huolta. Pyyhitäh kaikki, a akvarellimualaukset äšen lasin alla peitetäh pölyštä.

Pyörykäisen niinkin pyörriet šilmät äkkie pyörissytih ta hiän juohatti šormella šeinäh:

— A mitpä nuo šemmoset lämpömittariset ollah?

— Ne ei olla lämpömittarija. Ne ollah erikoiset laittehet, kumpasilla mitatah lämpyö ta koštevutta. Niitää šanotah psihometrioloiksi.

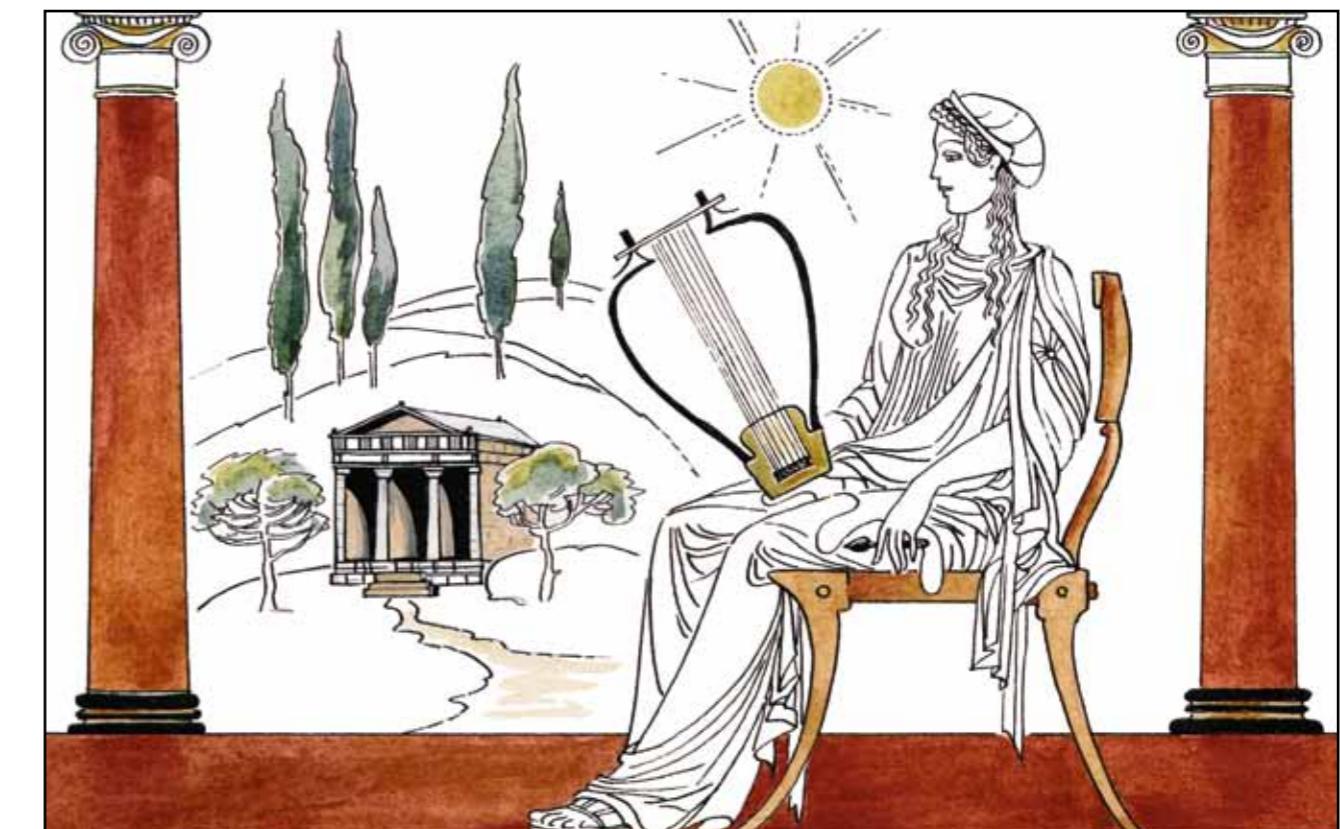
— A kuin nakrattau, rupesi hihittämäh hiän.

— Ei šiinä mitänä ole nakrettavua. Musejošša niitää ylen tarvitah. Još šalissa on pitän aikua kylmä tahi on liukua koštevutta, ni taululoih voit tulla homehta. Ta još yhtäkkie noštua lämpyö, ni tulou liijan kuiva ta taulut kuivetah ta halkiel'l'ah.

— Kauhieta! Pyörykäini karjahti. — Miula niise šattuu olomah kuumetta... ta košettaki. Nytki miula taitau olla kuumetta, hiän pani pakšuhkon kämmenen očalla. — Eikö šiula ole karamellie? Olen mistä lienöy luken, jotta tämä on paraš kuumeliäke.

Anita kaivo kormanoštah karamellin ta ojenti šen herkkušuulla.

— Tiijät mitä, šano Pyörykäini, — kun kerran miula on kuumetta, ni šiušta pitäy tulla miun rotnoi ämmö: panna miut muate, antua karamelli ta kertuo starina. Moušot mie i parenen.

— Уложить мне тебя негде, а вот усадить и рассказать сказку могу. Это очень древняя легенда.

Колобок сунул конфету за щёку, запрыгнул на стул и мечтательно закатил глаза.

— Когда-то, давным-давно,— начала Анита,— когда на свете не было ни тебя, ни меня, ни твоей бабушки, словом, много веков тому назад, на горе Олимп в красивой стране Греции жил бог по имени Зевс. И было у него 9 дочерей, которых звали Музами. Каждая из них покровительствовала (помогала) какому-нибудь искусству. В честь Муз строили храмы. И если случалась война или какое-нибудь другое бедствие, то люди несли в храм Музы, Мусейон, все самое ценное, а многие приходили любоваться тем, что там уже было. Украдь что-нибудь из храма Музы считалось самым страшным делом. Отсюда и возникла традиция хранить ценные вещи в храме Музы — в музее.

— Очень даже замечательная сказка! — воскликнул Колобок.

— Я всё понял. Если все посетители станут хватать руками всё что ни попадя, то скоро в музее нечего будет смотреть — всё будет грязное и сломанное.

— Я рада, что ты это понял.

— Понял, понял. И не только это. А ещё и то, что в вашей коллекции не хватает шедевров. Но это ничего, дело поправимое, завтра я их тебе принесу, повесишь — будет очень красиво,— радостно пообещал он и включил моторчик на зонтике.

— До завтра! — раздалось уже где-то вдалеке.— Самый крутой в мире Колобок спешит к себе за шедеврами для музея!...

— Да,— с тревогой подумала Анита,— в ближайшее время музей ждёт немало сюрпризов.

— Ei ole kunne panna šiut muate, ka istumatilan mie šiula löyvän ta starinanki vain kertuo. Tämä on oikein muinoni legenda.

Pyörykäini pisti karamellin pošen tuakše, hyppäsi stuulalla ta huaveillen ummisti šilmät.

— Kerran, hyvin ammuin, alotti Anita, — konša ei ollun šilma, milma eikä šiun ämmyo ili monta monituista vuosišatua takaperin, kauneheššä Kreikašša oljalla Olimp-vuaralla eli Zevsnimini jumala. Zevsilla oli yhekšän tytärtä, kumpasie kučuttih Muusoiksi. Jokahini heistä halličči (autto) mitānih taituo. Muusojen kunnivokši rakennettih kirikkjöä. Ta još šattu šota tahi minih muu hätä, ni ihmiset vietih arvokkahimmat vešsat Muusan kirikköh, Musejonah, a monet tultih šinne ihailomah niitā esinehie, mit jo oltih šielä. Esinehen varaštamista Muusan kiriköštä pietih kauheimpana tekona. Tästä i šynty perinneh šäilyttyä arvokkahie veššoja Muusan kiriköšsä — musejošša.

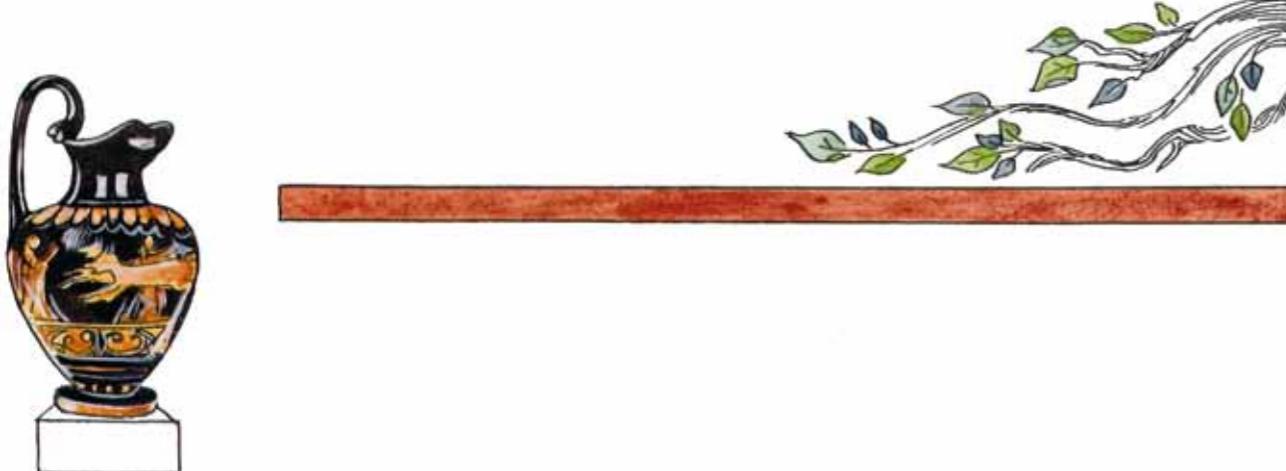
— Ylen mukava starina! karjahti Pyörykäini. — Mie ymmärrin kaiken. Još kävijät ruvetah koškomah kaikkie, mitä šattuu, ni kohta museojoh ei jiä mitänä kačottavua — kaikki on likaista ta rikkinäistä.

— Hyvä, kun šie ymmärrit tämän.

— Ymmärrin, ymmärrin. Ta vielä toisenki asien ymmärrin, jotta tiän kokaelmašša ei ole riittävästi meštaritevokšie. Ka ei ole hätyä, tuon myö korjuamma. Huomena mie tuon ne šiula — ylen kaunis tulou, Pyörykäini lupasi ilomielin ta käynnisti sontikan mouttorin.

— Huomiseh! kajahti jo missä lienöy loittuona. — Muajilman mahtavin Pyörykäini läksi käymäh meštaritevokšie musejou varoin!...

— No, hätäntynönä ajatteli Anita, — lähiaikoina musejou vuottau äijän yllätykšie.

ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 1

От какого слова происходит слово «музей»?

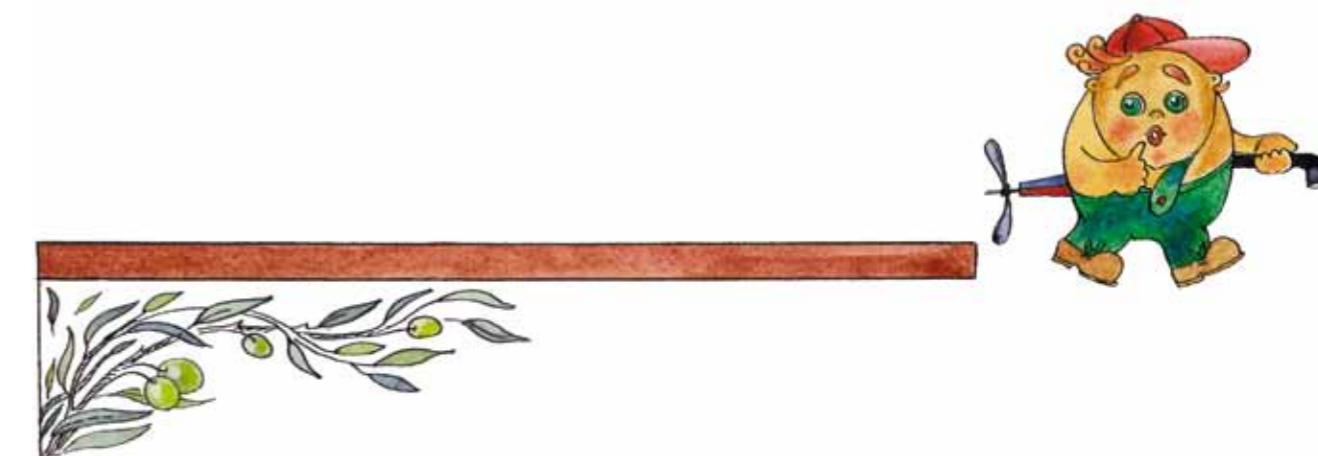
Почему в музее тихо? Как понять выражение «музейная тишина»?

Почему в музее нужно поддерживать определенную температуру?

Что такое музейная коллекция?

Что и в какой последовательности написано на этикетке?

Почему в музее ничего нельзя трогать руками?

KYŠYMYKŠET LUKUH 1

Mistä šanašta on šyntyn šana "musejo"?

Mintäh musejošša on niin hil'l'aista? Mitein ymmärrät šanan musejon hil'l'aisuš?

Mintäh musejošša on pietävä tiettyö lämpötilua?

Mi on musejon kokoelma?

Mitä ta missä järješykšeššä on kirjutettu nimilapušša?

Mintäh musejošša ei šua mitänä käsillä koškie?

Глава 2
ЖАНРЫ ЖИВОПИСИ

Однажды одна из сотрудниц музея, прияя утром в зал, обнаружила на стене, рядом с картинами, большой лист бумаги с неровными краями и нарисованными на нём красными букашками. Надпись на рисунке гласила «Фстречка Калабка с Лесой».

— Этого я и боялась,— всполошилась Анита,— этот хулиган всё-таки пробрался вечером в зал и незаметно пристроил свой «шедевр». Мало того, он ещё пишет с ошибками! — пришлось взять карандаш и исправить: «Встречка Колобка с Лисой».

И тут в музей вкатился запыхавшийся Колобок. Первым делом он побежал в зал. Вернулся он оттуда явно разочарованный.

— Что это ты делаешь с моим шедевром? — услышала Анита возмущённый голос. — Почему он не украшает вашу коллекцию? — И Колобок выхватил у неё свой рисунок, — я думал, что вы все здесь обрадуетесь, а вы.... И он надул губы.

— Посмотри, я только исправила некоторые неточности, — оправдывалась сотрудница музея. — И ты знаешь что, один человек в музее не решает, вешать картину или нет, покупать или не покупать её в коллекцию. Дело это серьёзное, и решает его целая комиссия.

— Да если бы ваша комиссия увидела мои картины, то просто упала бы от счастья!

— А если нет?

— Тогда я так не играю! — заявил автор «шедевра», прижал рисунок к груди и уже намеревался уйти, как вдруг его внимание привлекла одна картина.

— Ой, — воскликнул он, — посмотри: девочка кормит кур. А где лиса? — и, не дав Аните ничего ответить, нашёл объяснение сам: художник боялся, что лиса утащит курицу, и поэтому не решился её изобразить.

Он посмотрел на Аниту:

— Давай пошалим?

— Кошмар! — подумала Анита.

Но вслух произнесла:

— Хочешь, я расскажу тебе сказку? — и она протянула Колобку конфетку.

— Конечно.

Сунув конфету за щёку, он уселся на стул и мечтательно закрыл глаза.

— Однажды в древние времена один греческий художник по имени Зевксис написал на холсте гроздь винограда. Он оставил картину на террасе, и вдруг птицы стали слетаться к ней и клевать изображённый на картине виноград. Ведь он был так похож на настоящий.

— Ух ты! — восхищённо открыл глаза сладкоежка.

Luku 2
MUALAUŠTAITOLAJIT

Kerran huomeneksellä musejon ruataja tuli šalih ta huomasit šeinällä, taulujen vierešä, šuuren paperilistan, kumpasen reunat oltih epätašaset. Paperilistalla oli piirušsettua ruškiet pöpökät. Piirušukšešä olijašta kirjutukšešä luki: "Pyörykaisen ta Repon tapuanimi"

— Tätä mie varasinki, hättätyt Anita, — tämä pahanruataja piäsi kumminkin illalla šalih ta ašetti oman "tevokšen". Ta hiän vielä kirjuttauki hairahukšien kera! — piti ottua kynä käteh ta korjata: "Pyörykäisen ta Revon tapuamini".

Šamašša musejoh vierähti henkästyntä Pyörykäini. Hiän juoksi šuorua tietä šalih ta kohta myöšty pettynyön näkösenä.

— Mitä sie olet ruatan miun meštaritevokšella? kuuli Anita šiantynyön iänen. — Mintäh še ei korissa teijän kokoelmu? — Ta Pyörykäini šieppasi Anitalta oman piirušukšen. — Mie ajattelin, jotta työ kaikki tiälä ihašuttaa, a työ... ta hiän höplisti huuleh.

— Kačo, mie vain korjasin eryähät epätarkat kohat, musejon ruataja yritti puoluštautuo. — Tiijätkö mitä, musejošša ei yksi ihmini piätä, pannako esillä taulu vai ei, oštua še kokoelma vai ei. Tämä on totini as's'a, ta piättää šen kokonaini komiisi.

— Kun vain tiän komiisi näkis miun taulut, ni kuatuo kupšahtais onnešta!

— A još ei?

— Silloin mie en ole mukana! šano "meštaritevokšen" luatija vetäen piiruššusta rintua vašsen ta jo meinasi lähtie pois, kun äikkie hänen huomijo kiinty yhteh tauluh.

— Voi, karjahti hiän, — kačo: tyttö ruokkiu kanoja. A missäs repo? — ta vuottamatta Anitan vaštaušta, keksi šelityksen iče: taiteilija varasi, jotta repo viepi kanan, ta šentäh ei ruohtin kuvata šitä.

Hiän kaččo Anitah:

— Telmissä myö?

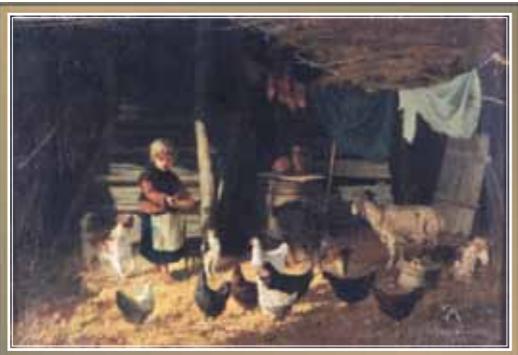
“Kauhieta!” ajatteli Anita. Ka iäneh šano:

— Tahotko, mie kerron šiula starinan? ta ojenti Pyörykäisellä karamellin.

— Tietyšti.

Pyörykäini rattoseh pisti karamellin pošen tuakše, istuutu stuulalla ta huaveillen pani šilmät umpeh.

— Kerran muinoisaikoina yksi kreikkalaisista taiteilijista nimeltä Zevksis mualasi kankahalla viinamarjarypalehen. Hiän jätti taulun verannalla ta äkkie šiih lennettih linnut ta ruvettih n'okkimah viinamarjoja. Nehän oltih ihan kuin tovelliiset.

И.А. Репин «Обступили». 1886
Холст, масло. 21,5 x 31,7

И.А. Репин "Ympäröitih". 1886
Kankaš, voimuali. 21,5 x 31,7

— Давай, — неожиданно быстро согласилась Анита, — я научу тебя играть в жанры. Ты знаешь, что произведения искусства можно разделить на жанры?

— Чем будем делить? Ножом? — ужаснулся Колобок.

— Не бойся, не чем, но как. Картины делят на жанры по их содержанию. На одних мы видим природу, на других — людей, трети рассказывают о каких-то самых простых, обыденных вещах, например, о том, что происходит в домашнем быту, о девочке, которая кормит кур и других домашних животных. Такой жанр так и называется «бытовой жанр».

— Да я уже видел эту картину. Правда, я не знал, что это бытовой жанр, но лисы там явно не хватает, — и Колобок с любовью посмотрел на свой рисунок.

— Посмотри на эту картину. Красиво, правда? — и Анита подвела его к полотну Айвазовского «Морской залив».

— Да-а, — протянул Колобок, — красивая природа, особенно море!

— Это пейзаж. Изображение природы в картине называется «пейзаж». Но здесь ведь не просто природа, а море. Такой пейзаж называется «марина».

Шалун рассмеялся:

— Так зовут одну мою знакомую девочку.

— Есть такое имя. Но само слово происходит от латинского слова «marina» и означает «море». Художник Иван Константинович Айвазовский очень известный русский маринист.

— А что это за важный дядька на фоне пейзажа? — Колобок старался выглядеть настоящим знатоком. Оказывается, он уже разглядывал другую картину Айвазовского — «Приезд Петра I на Неву».

И.К. Айвазовский «Морской залив». 1842
Холст, масло. 120 x 191

И.К. Айвазовский "Merilahti". 1842
Kankaš, voimuali. 120 x 191

— Возможно, что такого случая никогда и не было, но эта история говорит нам о том, что художник с помощью красок может передать мир, который мы видим вокруг. Художник, который пишет картины красками, называется живописец, а картины, которые он создает, называются живописью.

— Конечно, — подтвердил хвастунишка с видом знатока, — ведь он рисует очень живо и очень быстро. Только почему же он тогда не быстрописец?

— Про картины не говорят «рисует». Краски живые и ими «пишут», кто-то быстро, кто-то медленно. «Живописец» говорят потому, что художник пишет окружающую жизнь, то есть создает жизнеописание в цвете.

Но Колобку уже надоели теории и объяснения.

— Давай играть, — предложил он.

— Да-а, — неожиданно быстро согласилась Анита, — я научу тебя играть в жанры. Ты знаешь, что произведения искусства можно разделить на жанры?

— Чем будем делить? Ножом? — ужаснулся Колобок.

— Не бойся, не чем, но как. Картины делят на жанры по их содержанию. На одних мы видим природу, на других — людей, трети рассказывают о каких-то самых простых, обыденных вещах, например, о том, что происходит в домашнем быту, о девочке, которая кормит кур и других домашних животных. Такой жанр так и называется «бытовой жанр».

— Да я уже видел эту картину. Правда, я не знал, что это бытовой жанр, но лисы там явно не хватает, — и Колобок с любовью посмотрел на свой рисунок.

— Посмотри на эту картину. Красиво, правда? — и Анита подвела его к полотну Айвазовского «Морской залив».

— Да-а, — протянул Колобок, — красивая природа, особенно море!

— Это пейзаж. Изображение природы в картине называется «пейзаж». Но здесь ведь не просто природа, а море. Такой пейзаж называется «марина».

Шалун рассмеялся:

— Так зовут одну мою знакомую девочку.

— Есть такое имя. Но само слово происходит от латинского слова «marina» и означает «море». Художник Иван Константинович Айвазовский очень известный русский маринист.

— А что это за важный дядька на фоне пейзажа? — Колобок старался выглядеть настоящим знатоком. Оказывается, он уже разглядывал другую картину Айвазовского — «Приезд Петра I на Неву».

— Ohoh! ihaštunuošti avasi šilmät herkkušuu.

— Moušot šemmoista konšana ei ni tapahtun, ka tämä istorija kertou meilä šiitää, jotta taiteilija mualien avulla voipi kuvata muajilman, kumpasen myö ympärillä niämmä. Taiteilijua, kumpani mualua tauluja mualiloilla, kučutah taitomualariksi. Taulut, kumpasie hiän luopi, kučutah mualauksiksi.

— Tietytä, asientuntijan näkösenä vahvisti voheltaja, — hiän vet piirtäy ylen reippahašti ta ruttoh. Vain mintäh hiän šilloin ei ole terävähpäirtää*?

— Tauluistahan ei šanota “piirtäy”. Mualit ollah notkiet ta niillä “mualatah”. Ken ruttoh, ken hil’l’akkaiseh.

“Taitomualari” šanotah šentäh, kun taiteilija mualua ympärillä oljua elämyä, toisin šanoin še kuvuau elämyä värlöissä.

Ka Pyörykäini jo kyllästy teorijah ta šelityksh.

— Ruvekka myö leikkimäh, ehotti hiän.

— Ruvekka, yhtäkkie šuoštu Anita, — mie opašan šilma peluamah lajiloih. Tijätkö šie, jotta taitehtevokšet voit jakua lajiloih?

— Millä rupiemma jakamah? Veicelläkö? kauhistu Pyörykäini.

— Elä varaja, ei millä, a mitein. Taulut juatah lajiloih niijen šiämystän mukah. Yhissä myö niämmä luonnon, toisissa — ihmisi, kolmannet kerrotah ihan tavallisista as's'oista, esimerkiksi šiitää, mitä tapahtuu kotioloissa, tytötä, kumpani ruokkiu kanoja ta muita kotielukkoja. Šemmosen lajin nimi on “arkipäiväni laji”.

— Miehän olen nähnyn jo tämän taulun. Ka, mie en tietän, jotta tämä on arkipäiväni laji. Repo šiinä kannattais olla, ta Pyörykäini rakkahuolla kačahti omah piirušukše!

— Kačohan tätä tauluo. On vet kaunis, ta Anita vei hänet Aivazovskin Merilahti -taulun luo.

— Nii-in, veti Pyörykäini, — kaunis luonto ta varšinki meri!

— Tämä on maiselmakuva. Luonnon kuvuamista taulušša nimitetäh “maiselmanakuakši”. Ka tässä vet on meri, ei tavallini luonto. Tämmösen maiselmanakuvan nimi on “marina”. Veitikkä rupesi nakramah:

— Näin kučutah yhtä miun tuttavua tyttyö.

— On olomašša šemmoni nimiki. Ka iče šana johtuu latinalsesta “marina”-šanašta ta merkičøy mertä. Taiteilija Ivan Konstantinovič Aivazovski on oikein tunnettu venäläini marinisti.

— A kenpä tuo mahtavannäköi tiätä tuošša maiselmanakuvašša? Pyörykäisen himotti näyttää oikielta asientuntijalta. Hiän jo kačeli toista Aivazovskin tauluo — “Petri Šuuren tulo Nevalla”.

— Tämä on tunnettu venäläini čuari Petri Šuuri. Tässä on kuvattu oikein tärkie istorijallini tapahtuma: vuotena 1703 Petri Šuuri enšimmäistä kertua tuli Jänissuarella. Matan tarkotukšena

* Venäjän kieleššä šanan “живописец” alkuoša “живо” muissuttau adverbie “ruttoh”, “teräväh”.

И.К. Айвазовский «Приезд Петра I на Неву». 1853
Холст, масло. 94 x 138

И.К. Айвазовский "Petri Šuuren tulo Nevalla". 1853
Kankaš, voimuali. 94 x 138

— Это знаменитый русский царь Пётр I. Здесь запечатлено очень важное историческое событие: Пётр I впервые приехал в 1703 году на Заячий остров, чтобы основать новую столицу — город Санкт-Петербург. Поэтому эту картину можно отнести к историческому жанру.

— Если это такое важное историческое событие, то почему царь такой маленький, а небо и река такие большие? — хитро поинтересовался Колобок.

— Да потому, что место, на котором будет основан город, тоже очень важно. Суровая северная природа, то есть пейзаж, — это герой картины. В ней соединились два жанра: «исторический» и «пейзаж».

— Надо в честь этого события устроить салют! — засуетился шалун и извлек из кармана игрушечный пистолет.

— Нет!!! — в ужасе вскрикнула Анита. — Я тебе говорила про музейную тишину, а ты мне здесь баталии устраиваешь!

— Что устраиваю? — не понял Колобок.

— Баталии — это битвы и сражения. И в искусстве есть такой жанр — «батальный», это когда художник изображает военные события. Но музей — это не место для баталий.

Колобок присмирел. Но разве мог он вести себя смирино дольше двух минут?

— Хочешь, я покажу тебе свои коллекции? — лукаво спросил он. — Только не вздумай попросить у меня что-нибудь. Это неприлично.

— Покажи, — согласилась Анита.

И тут из его карманов стали появляться камушки, пустые катушки, орехи, яблоко, фантики и карамельки, облепленные крошками. Все эти «сокровища» образовали на столе довольно живописную кучку. Колобок любовно созерцал свои «богатства».

— Знаешь, если всё это изобразить, то мог бы получиться неплохой натюрморт, — задумчиво сказала Анита. — Это такой жанр живописи, в котором изображают различные предметы, фрукты, цветы или снедь (рыба, дичь и тому подобное). «Натюрморт» — слово французское, и означает оно — «мёртвая природа».

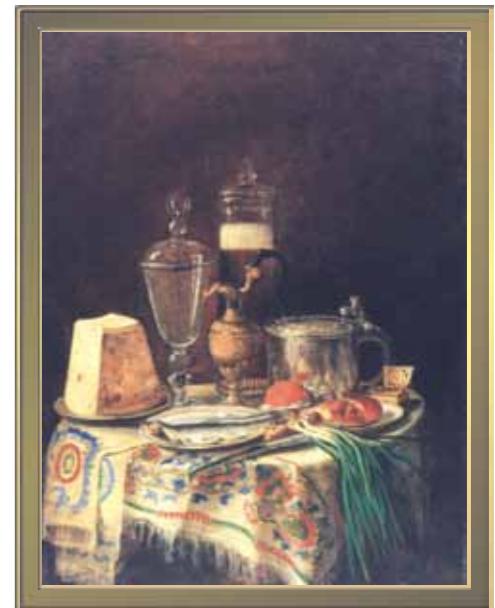
— А разве цветы мёртвые? — удивился Колобок.

— Конечно, нет, и поэтому есть ещё немецкое слово, которое используют, говоря о мире вещей: *Stilleben* — в переводе «тихая жизнь».

Императрица Мария Фёдоровна
«Натюрморт». 1869
Холст, масло. 64 x 49

Keisarina Maria Fjodorovna
“Nat’urmortti”. 1869
Kankaš, voimualti. 64 x 49

oli uuvven piäkaupunkin — Piiterin — perustamini. Šentäh tämä mualauš voit liittyä istorialliseh lajih.

— Jo štämä on niin tärkie istorijallini tapahtuma, ni mintäh čuari on niin pieni, a taivaš ta joki ollah niin šuuret? viekkahašti tiujušteli Pyörykäini.

— Šentäh kun paikka, mih kaupunki perussetah, on niise ylen tärkie. Ankara pohjoni luonto ili maiselma — on taulun šankari. Šiinä on yhissetty kakši lajie: “istorijallini” ta “maiselma”.

— Pitää tämän kunnivokši järještyä juhlatulituš! alko touhuo veitikkä ta otti kormanoštah leikkipistolin.

— Ei!!! kauhušsa karjahti Anita. — Miehän kerroin šiula museojil’aisuošta, a šie tiälä taisteluja meinuat pityä.

— Mitä mie meinuan pityä? Pyörykäini ihmetteli.

— Tappeluja ta šotua. Taijoššaki on šemmoni laji - “taistelumualauš”. Šiinä taiteilija kuvuau šotatapahtumie. Ka musejo ei ole taistelupaikka.

Pyörykäini rauhottu. Ka voiko hiän olla rauhallisena enemmän kahta minuuttie.

— Tahotko, mie näytän šiula omat kokoelmat? leikkimielisešti kyšy hiän. — Et šuinki rupie miulta mitänä kyšymäh. Še on paha tapa.

В.Д. Поленов
«Пейзаж с пирамидой». 1888
Холст, масло. 24,7 x 43,5

V.D. Polenov
"Jokimaiselma". 1888
Kankaš, voimualti. 24,7 x 43,5

Г.И. Яковлев «Женский портрет». 1857
Холст, масло. 89 x 72

Г.И. Яковлев "Naisen muotokuva". 1857
Kankaš, voimuali. 89 x 72

— Мне оно нравится больше,— убеждённо сказал толстячок.— И пусть «тихая», или «мертвая», а у меня обед.— И он стал сгребать свои «сокровища» обратно в карманы.— Мне пора домой. Буду разбирать свои произведения по жанрам и создавать новые. Интересно, с какого лучше начать?— тараторил Колобок.

И вдруг он увидел зеркало. В нём отразилась сияющая физиономия шалуна.

— Ура, я знаю, что я буду изображать! Себя!

— То есть будешь рисовать свой портрет,— уточнила Анита. — «Портрет» — это изображение человека, ещё один жанр искусства.

— Да, я нарисую на бумаге самопортрет,— гордо добавил Колобок.

— Можно и так сказать, но правильнее «автопортрет»: это когда художник изображает сам себя. Тебе нужно будет передать самое главное, то, чем ты отличаешься от других, то есть самые важные черты твоего характера.

— Нет ничего проще,— махнул рукой Колобок.

— На моём автопортрете будет изображён не только милый, умный, круглый, аппетитный и румяный, но и очень крутой Колобок в бандане.

Анита хотела объяснить хвастунишке, как это трудно и что художники-портретисты работали порой над своими произведениями годами... Но её рассуждения прервал шум удаляющегося моторчика.

— Пока,— раздалось за окном,— мне некогда, я спешу.

Причём последние слова Анита расслышала уже с трудом и с грустью поняла, что они так и не закончили игру в жанры.

— Näytä, шоуstu Anita.

Šiiinä šamašša hänen kormanoistah ruvettih ilmeštymäh kivi-set, tyhjät rihmatuurikat, pähkinät, omena, karamellipaperit, kumpasih oli tarttun murusie. Kaikki nämä “uartehet” muovošettih aika mualaukšellisen kaunehen tukkusen. Pyörykäini huolellisesti kačeli omie “uarteheie”.

— Kuule, joštämä kaikki kuvata, ni voisi tulla hyvä nat’urmortti, ajatukšissah šano Anita. — Tämä on šemmoni mualauštaitolaji, kumpasešša kuvatah erilaisie esinehie, hetelmie, kukkie tahi ruokie (kala, riista ta tämäntapaista).

“Nat’urmortti” on ranškalaini šana, ta še tarkottau - “kuollutta luontuo”.

— Ollahko kukat kuolluita? Pyörykäini kummekši.

— Tietyshi, ei, ta šentäh on olomašša vielä šakšalaini šana, kumpaista käytetäh konša paissah vehkehien muajilmašta: Stilleben — kiännettynä on “hil’l’ani elämä”.

— Mie tykkyän täštä enemmän, tietosehti šano pamppu. — Olkah “hil’l’ani”, tahi “kuollut”, a miula on päivällisen aika.

Ta hiän rupesi keryämäh omie “uarteheie” jälleläh kormanoih.

— Miun on aika kotih lätie. Rupien jakamah omie tevokšie lajen mukah ta luatimah uušie. Mistäpä alottasin? pälpatti Pyörykäini.

Yhtäkkie hiän näki peilin. Peilstä kačo niin kuin pyhäpäivän kakkara loistaja veitikän nuama.

— Hurraa, mie tiijän, mitä mie kuvuan! Iččieni!

— Toisin šanoin šie rupiet piiruštamah omua muotokuvua, täšmenti Anita. — “Muotokuva” on ihmisen kuva, vielä yksi taitehlaaji.

— Kyllä, mie piiruššan paperilla ičekuvan, ylpiešti lisäsi Pyörykäini.

— Voipi šen niinki šanuo, ka oikiempi on “omakuva”: še on konša taiteilija kuvuau iččietäh. Šiun pitäy kuvata tärkiemmän ili šen, millä šie eruot muista ili šiun luonnon tärkeimmät piirtehet.

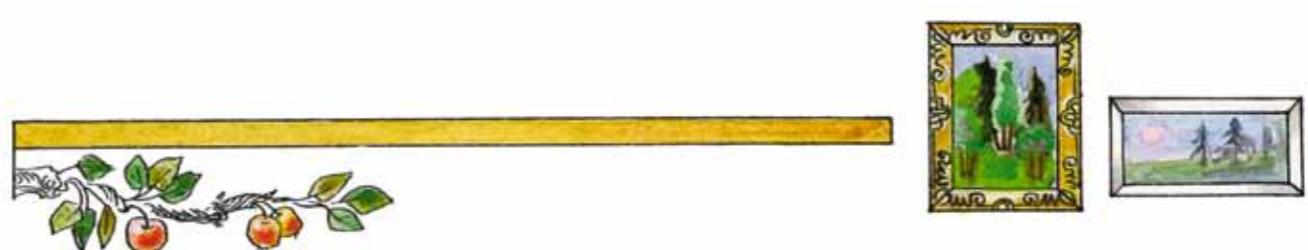
— Ei ole mitänä helpompua, Pyörykäini heilahutti kiälläh.

— Miun omaššakuvašša on hyväččäini, viisaš, pyörie, šuuššašulaja ta ruškiepoškini, ta lisäksi vielä oikein mahtava Pyörykäini bandanašša.

Anita meinasi šelittyä kehuškelijalla, kuin vaikieta še on ta jotta muotokuvie piiruštajat taiteilijat kekšitäh omie tevokšie monie vuosikaušie... Ka hänen ajatukšet keškeytti kaipaštuja mouttorin hurina.

— Hyväšti! kajahti pihalla, — Miula ei ole aikua, on kiireh.

Viimeset šanat Anita jo otva kuuli ta šurullisena ymmärti, jotta lajipeli jäi kešen.

ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 2

С какими жанрами ты познакомился?

Что такое бытовой жанр?

Что такое исторический жанр?

Что такое батальный жанр?

Что изображает натюрморт?

Как называется морской пейзаж по-латыни?

Как называется изображение человека в произведении искусства?

KYŠYMYKŠET LUKUH 2

Mimmosih lajiloih olet tuttavuštun?

Mi on arkipäiväni laji?

Mi on istorijallini laji?

Mi on taistelumualauš?

Mitä kuvatah nat’urmortissa?

Mitein nimitetäh merimaseilmua latinakši?

Mitein mualaukšešša nimitetäh ihmisen kuvuamista?

Глава 3 В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Колобок появился так же внезапно, как и исчез. За спиной у Аниты раздалось бодрое жужжание моторчика. Оглянувшись, она увидела сияющего Колобка с рулоном бумаги под мышкой.

Приземлившись на пол, он развернул рулон и показал Аните нарисованные на бумаге кружишки, букашки и закорючки.

— Ну как, правда, здорово?

— Да-а-а,— растеряно произнесла сотрудница музея,— а что это?

— Видишь ли,— последовал снисходительный ответ,— у нас, у художников, картины делятся на жанры. Это, например, натюрморт. Работаю я и в жанре пейзажа, а совсем недавно закончил свой автопортрет.

— А хочешь, я познакомлю тебя с твоим коллегой, с художником? — спросила Анита.

— С таким дядькой с бородой? — уточнил шалун. — Я его видел у вас в музее.

— Почему обязательно с дядькой? А может быть, это женщина.

— Нет,— махнул он пухлой ручкой,— у тётенек нет бороды, а без бороды какой же это художник? — убеждённо закончил Колобок и как бы случайно добавил: «А где мы будем знакомиться?»

— Конечно же, в мастерской. Пойдём, тебя ждёт сюрприз.

— Сладкий? — семеня ножками, добивался он.

— Увидишь,— ответила Анита.

На звонок дверь открыла очаровательная женщина.

— Проходите,— приветливо пригласила она, увидев на пороге гостей.

— Привет! — радостно поздоровался Колобок,— а где дядька-художник?

— А я и есть художник.

— А где у тебя борода? — изумился Колобок. — У всех художников обязательно есть борода и, с сочувствием посмотрев на женщину, добавил: «Не расстраивайся, может ещё и вырастет!»

В просторной, с большими окнами мастерской пахло краской. На стенах висели картины и рисунки. На полках расположились красивые керамические горшочки, в которых стояли самые разные кисточки. На полу и на подоконниках разместились вазы с букетами сухих цветов.

— А у тебя тут мило — вежливо обратился к хозяйке мастерской Колобок. — Правда, места много, — оглядываясь, сообщил он, — и зачем тебе столько? Ты что, танцы тут устраиваешь?

— Да нет,— улыбнулась художница. — Просто, когда живописец пишет картину, то ему надо отойти, посмотреть на неё издалека, убедиться, что всё получилось. А если нет, то исправить.

Luku 3 TAITEILIJAN TYÖPAJAŠSA

Pyörykäini ilmeesty yhtäkkie šamoin kuin ni hävisi. Anitan šelän takuana kuulu mouttorin ravakka hurina. Hiän kačahti tuakše pän ta näki ilosen Pyörykäisen, kumpasella kainalošša oli paperirulla.

Hiän laškeutu lattiella, levitti rullan ta näytti Anitalla paperilla piirretty pienet ympyrät, pöpökät ta koukerot.

— Eikö ole ihana?

— Nii-i-n, hämmäšykšeššäh šano musejon ruataja, — mipä tämä on?

— Niätšen, šeurasi myötämielini vaštauš, — meilä, taiteilijilla, taulut jakauvutah lajen mukah. Tämä, esimerkiksi, on nat'urmotti. Kyllä mie maiselmataulujaki luajin ta vašta ei niin ammuin šain valmehekši omankuvan.

— A, tahotko šie tutuštu oman kollegan, taitelijan kera? kyšy Anita.

— Semmosen partamiehen kerako? tarkenti veitikkä. — Nävin hännet teijän musejošša.

— Mintäh še juuri miehen kera? Moušot še on naini.

— Ei, huiskahutti hiän pakšuhkolla kiällä, — naisilla ei ole partoja. A mimmoni še taiteilija on ilman partua? varmana lopetti Pyörykäini ta niin kuin šattumalta lisäsi: — A missä myö ruapiemma tuttavuštumah?

— Tietyshi työpajašša. Läkkä, šilma vuottau yllätyš.

— Makieko? töpytyän uteli Pyörykäini.

— Kohta niät, vaštasi Anita.

Hyö šoitettih oveh ta oven avasi kaunis naini.

— Tulkua perimmällä, yštävällisešti kučču hiän ovešša šeisojat vierahat.

— Terveh! reippahašti tervehti Pyörykäini, — a missäpä on še ukko, taiteilija?

— Ka mie še olenki taiteilija.

— Missäpä šiun parta on? hämmäšty Pyörykäini. — Kaikilla taitelijilla pitäy olla parta, ta myötämielisešti kaččoen naiseh lisäsi: — Elä murehi, moušot vielai kašvau!

Tiluavašša työpajašša oltih šuuret ikkunat ta haisu mualilla. Šeinillä riputtih taulut ta piirušukšet. Pol'čilla oli kaunehie šavipatasie, kumpasissa oli kaikenmoisie penšselija. Lattiella ta ikkunalauvoilla šeiso mal'l'oja, kumpasissa oli kuivie kukkavihkoja.

— A šiula tiälä on mukava, Pyörykäini šano leppiešti emännällä. — Oikiešti, tilua on liukua, kaččoen ympärillä šano hiän, — mitä vašsen šiula niin äijän? Tanššitko šie tiälä, vain mitä?

И она показала рукой в угол комнаты на странный деревянный предмет.

Колобок в недоумении описал вокруг него пару кругов.

— Я знаю, это вешалка! — воскликнул он.

— Нет, — сказала Анита, — это мольберт, специальный станок художника.

— Хочешь, я покажу тебе, как я на нём работаю? — вступила в разговор хозяйка.

Она взяла в руки почти готовую картину.

— Видишь, Колобок, я написала её на холсте.

— На бумажке, — уточнил Колобок с видом знатока.

— Нет, холст — это грубая ткань. А чтобы на ней писать, её нужно туга натянуть на деревянную раму, на подрамник. Но прежде чем писать красками, холст нужно загрунтовать, то есть ровным слоем нанести на него смесь мела и специального клея, тогда краски сохраняются надолго и не теряют свой цвет и блеск. И только потом установить подрамник на мольберте. Вот так, — и художница поставила картину на узкую полочку на мольберте. — А работать за мольбертом можно сидя или стоя.

Всё это время Колобок молча наблюдал за происходящим. Но тут он не выдержал:

— Работать над картиной лучше всего лёжа. Лежиши на животе, болтаешь ногами и поёшь.

Колобок проворно улёгся на пол, положил перед собой лист бумаги и стал водить по нему карандашом.

— No en, muhahti taiteilija. — Ka konša taitomualari mualau tauluo, ni hänen toičči pitäy šiirtyö loitommakši taulušta, jotta kačahtua šiih loitompuata. Niin hiän varmistau, jotta kaikki on onnistun. A još ei, ni korjuau.

Ta šiitā hiän juohatti kamarin nurkašša oljah puiseh esineheh. Pyörykäini kummekšien kierti šen ympäri pari kertua.

— Tiijän, tämä on nuaklakko! karjahti hiän.

— Ei, šano Anita, — tämä on mol'bertti, taiteilijan erikoini ruatovehkeh.

— Tahotko, mie näytän šiula mitein mie ruan šillä? liitty pakinah emäntä. Hiän otti käsih melkein valmehen taulun.

— Kačo, Pyörykäini, mie olen mualannun šen kankahalla.

— Paperipalasella, tarkenti Pyörykäini asientuntijan näkösenä.

— Ei, tämä on kankašta, karčakkua kankašta. Ennein kuin ruveta mualuamah, še pitäy tiukašti kiinittää puiseh kehikköh, kiilakehikköh. Ka alušta kankahalla pitäy panna pohjamualie ili levittyä tašasešti šen pinnalla liitun ta erikoisen liiman ševoš. Šilloin mualit pisytäh pitälti eikä kavoteta värijäh ta loistuoh. Vašta šiitā voit ašettua kiilakehyš mol'bertin piällä. Vot nain, — ta taiteilija ašetti taulun mualauštelinehen kapiella pol'čalla. — Mol'bertin ieššä voit ruautua istuol'l'ah tahi šeisuo'l'ah.

Koko tämän ajan Pyörykäini iännettä šeurasi tapahtuja. Ka nyt hiän ei keštän:

— Я всегда так рисую у себя дома, когда меня посещает вдохновение,— разглагольствовал Колобок.

— Я тоже так поступаю,— согласилась художница. Но вот писать красками на холсте лёжа просто невозможно. Ведь у меня в руках в это время должны быть и палитра, и кисти, и масляные краски. Вот посмотрите!

И она взяла в руки красиво изогнутой формы доску (палитру) и стала выдавливать на неё красную, синюю и жёлтую краски из тюбиков.

— Хочешь, я покажу тебе фокус?— спросила она присмиревшего от изумления шалуна. Он лишь молча кивнул в ответ.

Художница смешала красную и жёлтую краски. На палитре образовалась блестящая оранжевая кашица. Смешав красную и синюю, она получила фиолетовую, а смешение синего и жёлтого дали на палитре зелёный цвет.

— Вот так из основных трёх цветов можно получить составные. Затем снова их соединить и получить новые...

Но художница не успела закончить рассказ об основных и составных цветах. Её прервало пыхтение Колобка.

— Подумаешь, фокус!— приговаривал он, смешивая на палитре все цвета подряд.— Это пустяки. Да я всегда дома смешиваю краски! Как начну смешивать, так и смешиваю, пока не усну!

В результате его возни на палитре образовалась серо-чёрная смесь (ведь он не знал, что смешение основных и составных цветов даёт чёрный цвет), а сам он весь перемазался и выглядел очень забавно.

— Ой, Колобок,— спохватилась Анита,— да у тебя не та кисточка! Для масляных красок нужна кисть с жестким ворсом, из щетины, а ты взял кисть для акварели. Акварельная кисточка мягкая, из волосков хорька, барсука, белки или куницы. Она хорошо удерживает в себе воду, в которой разводят акварель, и у неё острый кончик.

— А знаешь, как художник работает акварелью «по-сырому»? Для этого нужно хорошенько смочить лист бумаги, развести краски водой и...

Но она не успела закончить, как маленький художник стремительно вылил ведро воды на лист бумаги, который он перед этим положил на пол. По полу стала зловеще растекаться огромная лужа.

— Ой, Колобок, зачем ты это сделал?— хором воскликнули художница и Анита.

— Как зачем?— довольно спросил Колобок,— буду писать по-сырому. А лужа — это пустяки, не о чём беспокоиться.

И он попытался достать из воды бумагу.

— Теперь я понимаю, зачем тебе нужна такая большая мастерская,— говорил он, обходя лужу,— тебе нужно всё время отодвигаться от лужи, чтобы не промокнуть вместе с вдохновением.

Пришлось хозяйке и гостье взяться за тряпки.

А Колобок тем временем упоённо размазывал на сыром листе бумаги акварельные краски. Акварель, расплываясь, образовывала красивые потеки, цветовые пятна сливались друг с другом и получались новые сочетания цветов. Колобок сиял от счастья.

— Parempi on ruatua venyöl-läh. Venyt vačalla, heilutat jalkoja ta laulelet.

Pyörykäini šamašša venyttäätyy lattiella, pani eteh paperin ta rupesi piirtämäh.

— Mie koissa aina nän piirušsan, konša miun luo tulou innošuš, jutteli Pyörykäini.— Mie niise tykkyän ruatua šamalla keinoin, myönti taiteilija.— Ka vot muatala kankahalla venyölläh ei ole helppo. Vet silloin miun on piettävä käsissäni mualilautea, penšelit ta voimualit. Vot kačo!

Ta hiän otti kaunehen vempelenmuotosen luvian (mualilauvan) ta rupesi šiih puristamah putkiloista ruškieta, šinistä ta keltaista mualia.

— Tahotko, mie näytän šiula taikatempun? kyšy hiän hämmästyntyöltä veitikältä ta še vain iännettäh nyökkäsi piätäh.

Taiteilija ševotti ruškieta keltasen värin. Mualilauvalla ilmešty kiiltäjä oranššivärini ševoš. Ševottaen ruškieta ta šinisen hiän šai violetin, a šinisen ta keltasen ševottamisešta mualilauvalla šynty vihrie väri.

— Vot niin kolmešta piäväristä voipi šuaha välivärit. Šiitä tuaš ne ševotat ta šuat uuvvet...

Ka taiteilija ei kerinnyn lopettua kertomuştah piä- ta välivärlöistä. Hänen pakinan keškeytti Pyörykäisen ähkeh.

— Oli šiinä taikatemppu! šano hiän ševottaen peräkkäh kaikki mualilauvalla olijat värit.

— Še on ihan jonninjoutavua. Mie kaikičči ševotan mualija! Kun vain alotan ševottua, niin ni ševotan, kuni en uinuo!

Pyörykäisen touhun tulokšena mualilauvalla ilmešty harmuanmušta ševoš (hiän vet ei tietän, jotta piä- ta välivärien ševottamini antau muššan värin), a iče hiän kokonah likautu ta näytti tovella huvittavalta.

— Voi, Pyörykäini, huomasit Anita,— šiehän olet viärän penšelin ottan! Voimalilla mualamiseh tarvitah penšelie harjakšešta, šillä on karčakat karvat. A šie otit penšelin akvarellivärie varoin. Akvarellipenšeli on pehmie. Še on luajittu hillerin, mäkrän, oravan tahi niätän karvašta. Še hyvin pitäy vejen, kumpasešša notkennetah akvarellivärijä ta šillä on terävä piä.

— Tiijätkö šie, mitein taitelija mualau “märällä teknikalla”? Šiih tarvitah hyvästi kašsettut paperi, vejellä notkennettuja värijä ta...

Ka ei hiän kerinnyn lopettua pakinua, kun pieni taiteilija kuajalti šankollisen vettä paperilis-tan piällä, kumpasen šitä ennein oli levittän lattiella. Šuuri liäšö alko uhkuavašti levitä lattiella.

— Voi, Pyörykäini, mitä varoin šie tuon luajit?! Anita ta taiteilija yheššä karjahettih.

— Ka šitä varoin, mielihyvin šano Pyörykäini,— rupien mualamah käyttyän märkyä teknik-kua. A tämä liäšö — on pikkuasie, ei ole mistä huolehtie.

Ta hiän yritti šuahuštua paperin veještä.

— Nyt mie ymmärrän, mintäh šie tarvičet niin šuurta työpajua, pakasi hiän kiertäen liäšyö,— šiun pitäy koko ajan šiirtyö loitommakši liäšoštä, jotta šie omaš innoššukšineš et kaštuis.

Emäntä ta vieraš jouvuttih pyyhkimäh latetta.

A Pyörykäini šillä aikua innokkahašti levitteli akvarellivärijä paperilla. Akvarellivärit levit-täytyen muovošsettih kaunehie täplie, mit yhissytih toini toiseh, ta šynty uušie väriševotukšie.

Pyörykäini loisti onnešta kuin pyhäpäivän kakkara.

Hiän istu märällä lattiella, piti kiässäh oikieta akvarellipenšelie ta näytti niin onnelliselta.

Он сидел на мокром полу, держал в руках настоящую кисточку для акварели и наслаждался.

— Красивый рисунок,— похвалила его художница.

— Несомненно,— отозвался Колобок.— К тому же сделан великим мастером акварели!

И, потянув носом воздух, спросил:

— А нет ли у тебя случайно чего-нибудь вкусненького? А то, кажется, я начинаю худеть.

— Нет,— ответила художница.— К сожалению, у меня ничего нет. Я ведь не знала, что ты придёшь именно сегодня,— оправдывалась она.

— Как?!— в отчаянии воскликнул маленький обжора.— К тебе приходит в гости милый, круглый, румянный, талантливый Колобок, а у тебя ничего нет!

И Колобок срочно засобирался домой. В последний момент Анита успела схватить его за руку и шепнуть, что нужно поблагодарить художницу за гостеприимство.

— За что?— возмутился он.— Нас ведь даже не покормили.

Но Анита продолжала крепко держать руку Колобка в своей.

— Ну ладно, спасибо, до свидания,— вежливо, но не совсем искренне пробурчал Колобок.

— А ещё говорила сюрприз!— бубнил он Аните по дороге в музей.— Доживут до таких лет, а даже булочек испечь не умеют.

Он так и не понял, что далеко не каждому, как ему, повезло в жизни — попасть в настоящую мастерскую настоящего художника.

— Kaunis mualauš, kehu häntä taiteilija.

— No, totta kai! vaštasi Pyörykäini. — Ta šen on luatin akvarellimualauksen šuuri muasteri. Ta vejältyn ilmua nenäh, kyšy:

— A eikö šiula ole mitäni makietä? Tuntuu, jotta alan laihtuo.

— Ei, vaštasi taiteilija. — Suali, no miula ei ole mitänä. Miehän en tietän, jotta šie tulet juštih tänäpiänä, šelitti hiän.

— Mitä?! epätoivosesti karjahti pieni šyömäri. — Šiun luo kostih tulou hyväččäini, pyörie, ruškiepoškini, nerokaš Pyörykäini, a šiula ei ole mitänä!

Ta Pyörykäini alko kiirehellä šuoriutuo pois. Anita otva kerkisi ottua hänet kiästäh kiini ta čuhkasi, jotta taiteilijua pitäy passipojia hyvänä pitämäy.

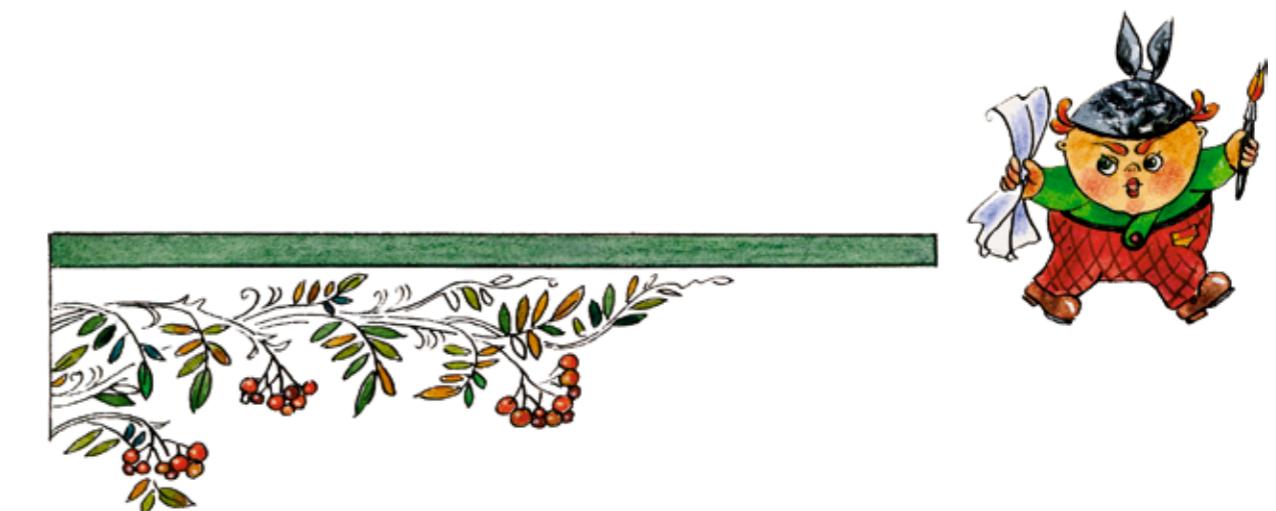
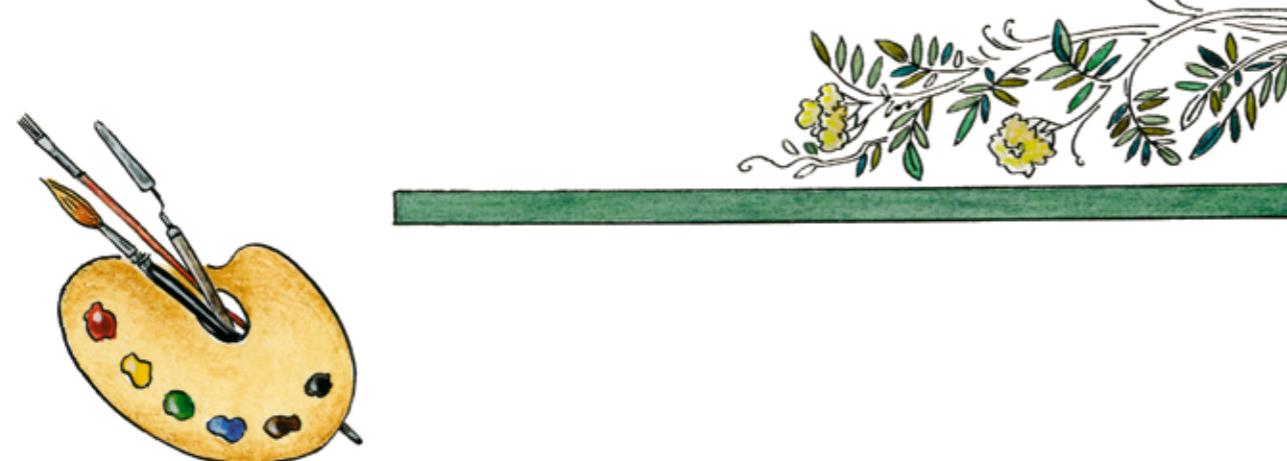
— Mistä? šiänty hiän. Meilähän ei ni šyyvvä tarittu.

Ka Anita iellähki lujah piti Pyörykäistä kiästää kiini.

— No olkah, passipo ta jiäkyä tervehekši, kohteliašti, ka ei ihan avomielisešti murahti šanuo Pyörykäini.

— A vielä šano — yllätyš! murmetti hiän Anitalla matalla musejoh, — Jo on šemmosen ikäh eletty, ka ei ieš piirakoita voija paistua.

Ei še Pyörykäini ymmärtän, jotta ei jokahisella ihmisellä lykäštyy elämässä kuin hänellä, kumpani piäsi käymäh tovellisen taiteilijan tovallisešsa työpajaša.

ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 3

Как называется станок художника?

Для чего холст необходимо грунтовать?

Какие основные цвета ты теперь знаешь?

Какие цвета являются составными?

Чем отличаются кисточки для масляной краски и для акварели?

KYŠYMYKŠET LUKUH 3

Mitein nimitetäh taiteilijan ruatovehkehtä?

Mintäh kankahan piällä pitäy levittyä pohjamualie?

Mimmosie perušvärijä šie nyt tiijät?

Mimmoset värit ollah välivärijä?

Mi ero on voimuali- ta akvarellipenšselin välillä?

Глава 4 ИСКУССТВО СКУЛЬПТУРЫ

В один прекрасный день Колобок вкатился в Музей и, описав круг вокруг скульптурного портрета М. В. Ломоносова, спросил:

— Слушай, Анита, что это за памятнички такие у вас в залах?

— Это не памятнички, Колобок, это скульптуры,— ответила Анита.

Толстячок повертелся во все стороны и покатился от скульптуры к скульптуре.

Учёный Михаил Ломоносов, поэт Александр Пушкин, полководец Александр Суворов... Их портреты, выполненные в бронзе, чугуне, мраморе,— как много они могли бы рассказать внимательному зрителю! Рассказать о времени, в которое жили, о чём думали, о том, как люди одевались, как причёсывались, и, что очень важно, об их характере.

Но Колобок, лишь взглянув на них мимоходом, небрежно заметил:

— А почему здесь одни головы да кони?— и махнул ручкой в сторону очень красивых бронзовых лошадок.

— Умница,— похвалила его Анита.— Как ты правильно это заметил! Скульптура, действительно, чаще всего изображает человека или животных.

— Всё людей, да людей, скукота!— не унимался Колобок.— А что, деревце, цветочек или ручейк— нельзя, что ли?

— Их лучше всего изобразить в картине или на рисунке. Цвет нежных лепестков, воду в прозрачной вазе, свет — всё это скульптура не передаст. Всё прозрачное, воздушное: туман, дым, облака, огонь, даль — это лучше передаёт живопись.

— Тогда я не понимаю, что в ней находят!— возмутился Колобок. — Раз она ничего не может изобразить!

— Пойдём,— предложила Анита расшумевшемуся посетителю,— я покажу тебе кое-что.

Они остановились у небольшой скульптуры.

— Какая красивая девушка!— зарумянился Колобок.— Ой, а в волосах кораблик!

— Посмотри внимательно,— настаивала Анита,— на что похожи волосы?

— Их треплет сильный ветер, и ещё они похожи на волны, по которым плывёт корабль! — обрадовался шалун своему внезапному открытию. Он даже подскочил от радости.

— Ты действительно самый умный и внимательный. Эта скульптура называется «Ладога». Здесь автор изобразил большое, красивое озеро! И линии тела девушки тоже напоминают плавные изгибы волн, правда ведь?

— Ага, напоминают.

Luku 4 KUVANVEŠTOTAITO

Yhtenä ihanana päivänä Pyörykäini vieri Museojoh ta vierrettyö ympäri M.V. Lomonosovin vešsettyö muotokuvua kyşy:

— Kuule, Anita, mit nämä šemmoset šalissa oljat muistopačchaiset ollah?

— Ne ei olla muistopačchaisie, Pyörykäini, ne ollah veššokšet, vaštasi Anita.

Pamppu pyöri joka šuuntah ta vieri yheltä veššokšelta toisella.

Tietomies Mihail Lomonosov, runoilija Aleksandr Puškin, šotajoukkonen piällikkö Aleksandr Suvorov... Heijän pronšista, valurauvašta, marmorista luajitut muotokuvat voitais niin äijän kertru tarkkašilmäsellä kačcojalla! Ne kerrottais ajašta, kumpasešša elettih, mitä ajateltih, mitein šuoriuvuttih, kampauksista ta mi on ylen tärkietä — ihmisiens luonnošta.

Ka Pyörykäini vain kačahti niih ta šeläškättä huomautti:

— A mintäh tiälä ollah vain piät ta heposet? ta juohatti ylen kaunehien pronšiheposien šuuntah.

— Moloča, kehu häntä Anita. — Tämän šie olet oikešti huomannun! Tosieh, veššoš rike-nempäh kuvuau ihmistä tahi eläimie.

— Yhtä vain ihmisia, ikävää! ei rauhottun Pyörykäini. — Eikö šitää sua puuta, kukkua tahi puroista kuvata?

— Niitää on parempi kuvata taulušša tahi piirušukšešša. Lehvöjen hellä väri, vesi läpinäkyjäššä kukkamal'l'ašša, valo — tätä kaikke veššoš ei voi välittyä. Kaikki läpinäkyjä, ilmašta muovoštunut: tumanto, šavu, pilvet, tuli, etähys — täštä parempi kertou mualauštaito.

— Šilloin mie en ymmärrä, mitä šiinä on hyvä! šiänty Pyörykäini. — Kerran še ei voi mitänä kuvata.

— Läkkä, Anita kučcu kil'l'ujua kävijyä, — mie näytän šiula kuta mitä.

Hyö pietyytih pienehkön veššokšen eteh.

— A kun kaunis neiçyt! rušosi Pyörykäini. — Voi, hänen tukissah on laivani!

— Kačo tarkempah, vuati tiukašti Anita, — mitä tukat muissutetah?

— Niitää piekšay kova tuuli, ta vielä ne ollah ualtojen näkösie, kumpasie laiva kulkou! ilahdu veitikkä omalla äkillisellä kekšinnöllä. Hiän äsen hypähti ilošta.

— Sie tovella olet oikein viisaš ta tarkka. Tämän veššokšen nimi on “Luatokka”. Veštajä kuvasi šiinä šuuren ta kaunehen järvien! Neičcyön vartalon viivat niise muissutetah ualtojen tašasie kuarja, niin vet?

— Niin, muissutetah.

С. Е. Черепанов «Ладога». 1985
Бронза. 30 x 25 x 18

С. Е. Черепанов "Ладога". 1985
Бронза. 30 x 25 x 18

— Не на подставке, а на постаменте,— прервала его Анита,— и памятники, как правило, не ставят людям при их жизни. Ведь само слово «памятник» происходит от слова «память». А тебя не надо «помнить», ты и так живой и весёлый. Ведь так?

— Так!— охотно согласился Колобок.— Тогда давай играть. Я буду самый великий скульптор. Из чего бы мне сделать шедевр?

— Вообще-то скульптуру делают из разных материалов: металла, дерева или камня. Само слово «скульптура» происходит от латинского слова «sculpere», что значит «вырубать», «высекать». А раз вырубать или высекать, то нужны инструменты: нож, долото, топор, пила, молотки. Но у нас их нет.

— Я так не играю!— Колобок был явно разочарован. Он уже надул губы, но Анита поспешила его утешить:

— Впрочем, есть ещё одно слово для определения скульптуры — «пластика», от латинского слова «plastos», что значит «лепить». Тогда скульптуру (пластику) можно вылепить из пластилина, гипса, воска или глиняного теста. Угадай,— хитро спросила Анита,— какой тогда главный инструмент скульптора?

— Не знаю,— растерялся Колобок,— может... скалка?

— Волшебная рука скульптора — вот какой инструмент!— смеясь, закончила Анита.

— Это я знаю и без тебя, так меня слепила бабушка,— и, проворно достав из кармана штанишек большой кусок пластилина, он попытался сдуть с него прилипшие крошки и маленькие кусочки ореховой скорлупы. Через секунду Колобок уже мял его пальцами.

— Не спеши,— сказала Анита.— Сначала подумай, что ты будешь лепить. Ведь скульптура имеет объём и поэтому должна выглядеть одинаково красиво со всех сторон.

— Да? Ну тогда я знаю! Я вылеплю себя!— обрадовался Колобок.— Или нет, лучше снежную бабу из шаров! Хотя нет, сейчас нет снега, но это не беда. Я вылеплю её из пластилина. Это будет маленькая пластилиновая снежная баба.

— Скульптор изобразил озеро не таким, каким мы можем видеть его в жизни, а как бы «другими словами», то есть иносказательно, в форме аллегории. Слово «аллегория» значит «иносказание».

Услышав сразу так много новых понятий, запомнить которые он был не в состоянии, Колобок заявил:

— Анита, ты знаешь слишком много умных лишних слов,— и добавил,— я всё равно не понял, зачем она вообще-то нужна, скульптура?

— А ты представь себе картину, например, в центре фонтана,— предложила Анита.

Колобок покатился со смеху.

— Вот именно. Есть случаи, когда подойдёт только скульптура. Допустим, в честь какого-нибудь важного события, победы например, в городе ставят большую скульптуру, то есть памятник. Памятники ставят также великим людям.

— Великий,— уточнил шалун,— это тот, которого все знают?

— Что-то в этом роде,— кивнула Анита.

— Тогда где мой памятник? Я ужасно великий, меня все знают!— возмутился Колобок.— Про меня даже песню поют: «Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл...». И, напевая, он взобрался на стул, принял торжественную позу, выпятил живот и, показав пальцем себе под ноги, добавил:

— А на подставке могли бы написать...

— Kuvanveštäjä kuvasi järven šemmosena, kumpasena myö emmä niä šitää elämässä, niin šanotušti “toisilla šanoilla” eli vertauškuvallisešti. Še on allegoria-muoto. Allegorija-šana merkičöy vertauškuvaušta.

Kuultuo niin äijän uušie termijä, kumpasie Pyörykäini ei voinun muistua, hiän šano:

— Anita, šie tiijät lijan äijän liikoja viisahie šanoja, ta lisäsi. — Mie kuiteski en ymmärtän, mih tätä veššošta tarvitah?

— A šie kuvittele tauluo, esimerkiksi, kešellä šuihkulähtehtä, ehotti Anita. Pyörykäini vieri nakrušta.

— Juštih. On šemmosie tapahukšie, konša šopiu vain veššoš. No vaikkapa minnih tärkien tapahukšen kunnivokši, esimerkiksi, voiton kunnivokši, kaupunkih ašetetah šuuri veššoš eli muistopačaš. Muistopačahie ašetetah šuurilla ihmisiillä.

— Onko še šuuri še, täšmenti veitikkä, — kenet kaikki tiijetäh?

— No, šiih tapah še on, nyökkähyyti piätäh Anita.

— Šilloin missä miun kunnivokši ašetettu muistopačaš on? Mie olen kauhiešti tunnettu, miut kaikki tiijetäh! šiänty Pyörykäini. Miušta lauluoki laulletah: “Ämmön luota mänin, ukon luota mänin...”. Ta laulaen juhlallisešti šeisattu stuulalla, pullisti vačan, juohatti šormella ičelläh jalkoih ta lisäsi:

— A jakkuh voitais kirjuttua...

— Ei jakkuh, kun kivijalkah, keškeytti hänen pakinan Anita, — eikä muistopačahie, tavallah ašeteta ihmisiillä heijän elämän aikana. Vet iče šana “muistopačaš” tulou šanašta “muisto”. A šilma ei tarviče “muissella”, šie niinki olet elošsa ta vesselä. Niin vet?

— Niin! mielelläh šuoštu Pyörykäni. — Ruvekka myö šilloin leikkimäh. Mie olen šuuri kuvanveštäjä. Mistäpäš mie luatisin meštaritevokšen?

— No tavallisešti veššoš luajitah erilaisista materialiloista: metallista, puusta tahi kiveštä. Esimerkiksi venäjänkielini šana “скульптура” on šyntyn latinankielisešti šanašta “sculpere”, mi tarkottau “hakata”, “veštyä”. A još šitää vešsetäh tahi hakata ni tarvitah šiih ruatovehkekie: veičči, taltta, kirveš, šaha, vasarat. Ka meilä niitä ei ole.

— Miula tämä ei kelpua! Pyörykäini näytti šelvästi pettynyöltä. Hiän jo höplisti huuleh, ka Anita kiirehti lepytellä häntä:

— Muitein on olomašša vielä yksi šana, kumpani on miäritelmänä veššokšella. Tämä šana on plastikka, mi on šyntyn latinankielisešti šanašta “plastos”, mi tarkottau “muovata”. Šilloin veššokšen (plastikan) voipi muovata plasteliinista, kipsista, vahašta tahi

В. И. Демут-Малиновский
«А. В. Суворов». Гипс. 57,5 x 35,5 x 21,5

Ф. И. Шубин
«М. В. Ломоносов». 1792
Бронза. 70,5 x 45,5 x 27,5

А. И. Теребенев
«А. С. Пушкин». 1837
Чугун. 47 x 17 x 17

А. И. Теребенев
“А. С. Пушкин”. 1837
Valurauta. 47 x 17 x 17

— Мелкая пластика,— уточнила Анита, в то время как «великий скульптор» скатывал маленькие пластилиновые шарики и ставил их друг на друга.

Колобок на мгновение оторвался от работы и вопросительно взглянул на Аниту. И она добавила:

— Так называют маленькие скульптуры, вылепленные из мягкого материала — «мелкая пластика».

— Анита, ты видишь пред собой мастера скоростной лепки шаров и мелких пластик,— довольно произнёс хвастунишка, любовно созерцая своё творение.

— Я решил подарить свой бессмертный шедевр вашему музею,— торжественно сообщил он и стал оглядываться в поисках лучшего места для своей скульптуры.

Но Анита уже привыкла к его выходкам и быстро нашлась:

— Спасибо тебе, Колобок, мы обязательно покажем её на выставке снежных баб, а пока давай отнесём твою скульптуру в фонды. Там хранятся большинство произведений из коллекции музея и ждут своего часа, чтобы однажды появиться на выставке. Тебе там понравится, идём!

...Свою ошибку Анита поняла слишком поздно. В первый момент Колобок не то изумленно, не то восторженно оглядывал хранилище, где на прочных длинных полках и стеллажах стояли ряды скульптур, закутанных в полиэтиленовые мешки.

И вдруг он исчез. Анита решила, что любопытный Колобок куда-то закатился, и с отчаянием думала, куда он мог запропаститься.

Но тут один из мешков зашевелился и со странным звуком покатился прямо на неё.

— Ух, ух,— донеслось из мешка,— и в этот момент из-под полиэтилена показались толстые ножки Колобка.

— Как же ты меня напугал!— воскликнула Анита.

— Вот здорово!— отозвался мешок,— правда, я замечательно придумал? Бери мешок, скрей прячься, может, ещё кого-нибудь напугаем!

— Ну уж нет!— решительно отрезала сотрудник музея.— А если ты уронишь что-нибудь и разобьёшь?! Посмотри, как у нас в музее бережно хранят произведения, а скульптуры даже закрывают от пыли.

— Подумаешь!— обиделся выдумщик.— Стоят же на улицах памятники, и никто их ничем не закрывает. Зато за них можно здорово прятаться и даже сидеть на них...

— На памятниках сидят только невоспитанные люди и хулиганы,— возразила Анита,— но памятники сделаны из такого прочного материала, который может выдержать и дождь, и снег, и ветер, и даже таких шалунов, как ты. А скульптуры часто делают из хрупкого материала или из такого, который легко впитывает грязь. Из мрамора, например. Кстати,— она протянула Колобку конфетку,— садись. Я расскажу тебе сказку.

— Давно бы так,— пробурчал он,— а то того нельзя, этого нельзя... И вообще, одними скульптурами сыт не будешь.

savisešta ševokešta. Arvua, leikkimielisešti kyšy Anita, — mi šilloin on kuvanveštäjän tärkein ruatovehkeh?

— En tijä, hämmästy Pyörykäini, — moušot...pualikka?

— Kuvanveštäjän taikavoimani käsi — vot mimmoni ruatovehkeh! nakraen lopetti Anita.

— Tämän mie tijän šiuttaki, ämmöni on sriäppin miut näin, hiän šamalla kaivo pukšujen kormanošta šuuren plasteliinipalasen ta yritti puhaltua šiită tarttunuot muruset ta pähkinän kuoren pienet palaset. Sekunnin piästää Pyörykäini jo pušerteli šită šormillah.

— Elä kiirehä, šano Anita. — Ensiksi mieti, mitä šie rupiet muovuamah. Veššošhan on kolmemiäräni ta šentäh šen pitäy olla yhtä kaunis jokahiselta puolelta.

— Niinkö? No šilloin mie tijän! Mie muovuan iččeni! ihaštu Pyörykäini. — Tahi ei, parempi lumiakan palloloista! No ei, nythän ei ole lunta, ka ei ole hätyä. Mie muovuan šen plasteliinista. Še tulou pieni plastilinini lumiakka.

— Pieni plastikka, täšmenti Anita, šilloin kun “šuuri kuvanveštäjä” luati pienie plasteliinipalloja ta ašetti niită toini toisen piällä. Pyörykäini hetkekši keškeytti oman työn ta kyšväästi kačahti Anitah. Naini lisäsi:

— Niin nimitetäh pienie veššokšie, kumpaset on luajittu pehmiestä materialista — “pieni plastikka”.

— Anita, šiun ieššä on pallojen poikkoh muovauksen ta pienien plastikkojen muasteri, mie-lihyvin šano voheltaja, rakkahuolla kačoen omua ruatuo.

— Mie piatin lahjottua oman ikusen muasteritevokšen teijän museojoh, juhlallisešti šano hiän ta kačeli ympärillä eččien parašta paikkua omalla veššokšella. Ka Anita jo tottu hänen temppuih ta ruttoh hokšasi:

— Passipo šiula, Pyörykäini, myö ehottomašti näytämä šen lumiakkojen näyttelyššä, a nyt läkkä viemmä šiun veššokšen varaštoh. Šielä on šailoššä šuuremпи oša musejon kokoelman tevokšista. Ne šielä vuotetah vuoruoh, konša niită näytetäh näyttelyššä. Šie varmašti tykkyät šiită paikašta, läkkä!

...Anita ymmärti lijan myöhäh, mitein hiän erehty. Enšimmäiset hetket Pyörykäini toko hämmäšykšissäh tahi ihaštunuošti kačeli varaštuo, missä lujilla pitillä polčilla ta polčaškuappiloissa šeisottih rivissä muovivärčilöih kiärityt veššokšet.

A šiită äkkie kato. Anita piatti, jotta uteliaš Pyörykäini vieri kunnenih, ta epätoivosešti rupesi ajattelomah, kunne še ois vojun joutuo.

— Слушай! — прервала Анита. — Это древняя легенда. Однажды скульптор Пигмалион, царь Кипра, вылепил статую прекрасной девушки Галатеи. Она была так хороша, что Пигмалион полюбил её и стал молить богиню любви и красоты Афродиту, чтобы она оживила прекрасную Галатею. Богиня исполнила желание скульптора, и Галатея стала женой Пигмалиона. Вот как велика бывает сила искусства, — закончила Анита свой рассказ.

— Кстати, об искусстве, — оживился Колобок, — мы ведь принесли сюда мой шедевр! — Он достал из кармана слегка помятую пластилиновую бабу и стал пристраивать её на полку рядом с другими скульптурами и даже закрыл её краем большого мешка.

— А знаешь, что самое главное для мелкой пластики? Для неё самое главное — красота. А чем больше скульптура, тем важнее в ней содержание, — поделилась Анита.

Колобок согласно кивал.

— Конечно, ты права. Неземная красота — вот что самое главное в моей скульптуре, то есть в моей мелкой пластике. Я буду иногда приходить сюда и любоваться ею, — пообещал он.

Пришлось Аните оставить её в хранилище. Она и сейчас там. Проверьте, если не верите.

Ka šamašša yksi värčilöistä rupesi liikkumah ta kauhiešti iäntyän vieri šuorah hänen piällä.

— Huh, huh, kuulu värčistä, ta muovin alta näyttävyttih Pyörykäisen pakšut jalat.

— Kuin šie pölätit milma! karjahti Anita.

— Vot še i mukava! vaštasi värči, — Olenpa mie mainijošti kekšin, niin vet? Ota värči ta peittävy rutompah, moušot, vielä ketähn pölätämmä!

— No ei! rohkiešti keškeytti musejon ruataja. — A kun šie kirvotat mitähn tahi rikot?! Kačo. Meilä musejošsa huolellisešti šäilytetäh tevokšie, a veššokšet veilä i katetah pölyštä.

— Oli šiinä! šiänty kekšijä. — Šeisotahhan pihalla muistopaččahat, eikä kenkänä niitä kata millänä. Šen šijah nijien tuakše voipi mukavašti peittävytö tahi istuoki nijien piällä...

— Muistopaččahien piällä issutah vain pahoin kašvatetut ihmiset ta pahanruatajat, pani vaštah Anita, — ka muistopaččahat on luajittu šemmosešta keštäjäštä materialista, kumpani keštäy šatiens, lumen, tuulen ta šemmoset veitikät kuin šie. A veššokšet rikeneh luajitah haprakašta materialista tahi šemmosešta, kumpani helpošti imöy iččeheh lijan. Esimerkiksi, marmorista. Mui-ten, — hiän ojenti Pyörykäisellä karamellin, — istuvu. Mie kerron šiula starinan.

— Jo aikoja olis pitän, murmehti hiän, — muitein šitā ei šua, tätä ei šua... Ta i vovse yksillä veššokšilla vačča ei täyvy.

— Kuuntele! keškeytti Anita. — Tämä on muinoni legenda. Kerran kuvanveštäjä Pigmali-on, Kipran čuari, muovaili šoman Galateja-nimisen neičcyön veššokšen. Še oli niin hyvä, jotta Pigmalion mielty šiih ta rupesi molimah rakkahuon ta kaunehuon naisjumalua Afroditua, jotta še puhaltais henken šomah Galatejah. Naisjumala toteutti kuvanveštäjän toivehen, ta Pigmalion otti Galatejan naiseksh. Vot mitein šuuri šuattau olla taijon voima, lopetti Anita oman kertomukšen.

— Muiten, taijošta, eleyty Pyörykäini, — myöhän toima tänne miun muasteritevokšen! Hiän nošti kormanoštah vähän murčistunuon plasteliiniakan ta rupesi ašettamah šitā polčalla muijen veššokšien joukkoh ta katto šen šuuren värčin laijalla.

— Tiijätkö, mi on tärkeintä pieneššä plastikašša? Šiinä on tärkeintä — kaunehuš. Ta mitä šuurempio on veššoš, šitā tärkiempio on šiinä šiämyštä, kerto Anita. Pyörykäini myöntävästi nyök-kähyyti.

— Tietysti šie olet oikiešša. Ylimuallini kaunehuš — vot mi on tärkein asie miun pieneššä plastikašša. Mie rupien toičči käymäh tiälä ihailomah šitā, lupasi Pyörykäini.

Anitan piti jätyä šen varaštah. Nytki še on šielä. Käykyä kaččomašša, još että ušo.

ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 4

В чём главное отличие скульптуры от картины?

Какие материалы скульптора ты знаешь?

Что такое памятник и в каких случаях его устанавливают?

Что такое мелкая пластика?

KYŠYMYKŠET LUKUH 4

Mi on veššokšen ta taulun välini piäero?

Mimmosie kuvanveštäjän materialija šie tiijät?

Mi on muistopaččaš ta missä tapahukšissa še ašetetah?

Mi on pieni plastikka?

Глава 5 ВОЛШЕБНАЯ ЛИНИЯ

Однажды Анита шла по музею. Вдруг её внимание привлек странный звук. Где-то рядом раздавались бурчание, причмокивание и хихиканье.

Она ужаснулась: «Неужели опять он что-то натворил?!». И поспешила в зал.

Каково же было её удивление, когда она увидела разложенные на полу рисунки. А посреди них стоял счастливый Колобок.

— Привет, Анита! Правда, замечательная выставка?! — сиял он.

— Колобок, кто тебе разрешил разложить здесь свои рисунки?! — негодовала Анита.

— Но ты же сама говорила, что в музее нельзя вешать свои картины. Но о том, что их нельзя класть на пол, ты ничего не рассказывала, — упёрся толстячок и обиженно добавил: — Может быть, у меня юбилей. А к юбилею знаменитого художника всегда делают выставку его работ, — округлив глаза, доверительно сообщил он.

— Спроси хоть у той художницы без бороды.

— Ну хорошо, — примирительно сказала Анита, — ты их разложил! А как их смотреть?

— Вот именно! — сказал Колобок и, сияя, покатился вдоль рисунков. А потом улегся на бочок и положил руку под голову.

«А вдруг у него и вправду день рождения?» — подумала Анита и стала рассматривать рисунки.

— Да ты настоящий график!

Колобок вспыхнул.

— Ну, ты даёшь! А ещё работаешь в музее! Я — художник, а график — это такой чертёж. Вот у меня дома висит «График питания, отдыха и шалостей дорогого Колобка». Я как увижу, что шалостей было маловато, так и понимаю, что пора устраивать фейерверк или играть...

Анита спокойно слушала и, когда Колобок умолк, произнесла:

— Графика — это вид изобразительного искусства.

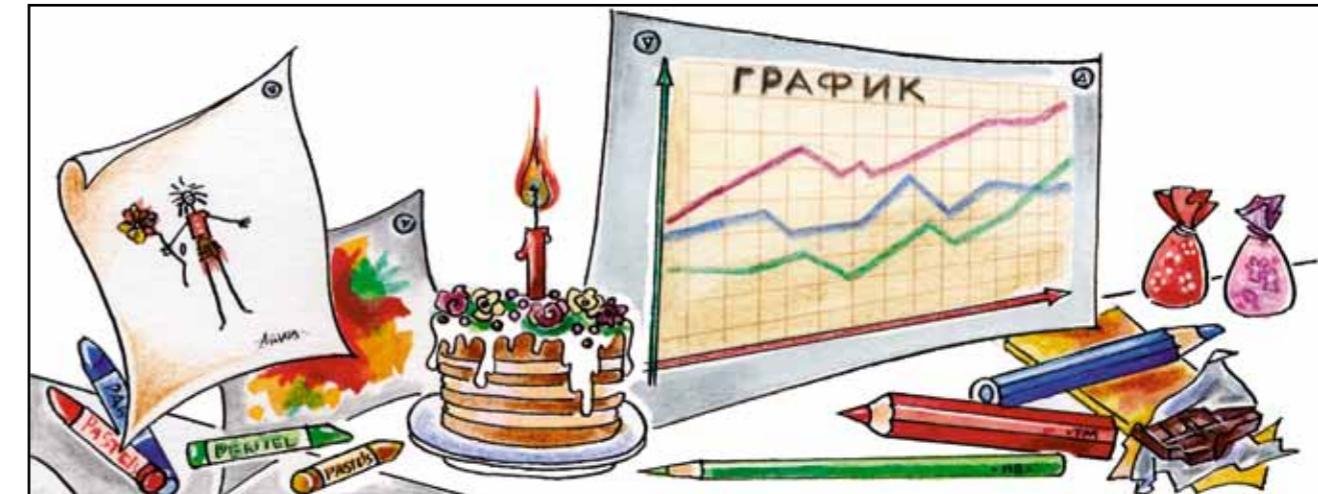
Колобок открыл рот от изумления. Не дав ему опомниться, она добавила:

— Это когда художник рисует на бумаге. А если он пишет красками, то это живопись. Например, ты ведь рисовал всё это цветными карандашами?

— Ага, значит, это графика? — пришёл в себя Колобок. — Красиво, правда? Я нарисовал и лисиц, и натюрморты, и пейзажи.

Говоря это, он тыкал пухлым пальчиком в свои произведения.

— А это что? — Анита показала на букашку на тонких ножках-спичках.

Luku 5 TAIKAVIIVA

Kerran Anita käveli musejuo myöten. Yhtäkkie hiän kuuli kummallisen iänen. Missä lienöy lähellä kuulu kurinua, mačkuttamista ta hihitystä.

Hiän kauhistu: “Onko še tuaš mitänih kekšin?!”. Ta hiän kiirehti šalih.

Olipa hiän hämmästyn, kun näki laittiella levitetyt piirušukset. A nijen kestellä šeiso onnellini Pyörykäini.

— Terveh, Anita! Eikö ole mainijo näyttely?! iloili hiän.

— Pyörykäini, ken šiula anto luvan levittyä tiälä omie piirušukšie?! päivitteli Anita.

— Ka šiehän iče šanoit, jotta musejošša ei šua riputtua omie tauluja. Ka šiitää, jotta niitää ei šua levitellä lattiella, šie et kerton mitänä, pamppu šeiso omallah ta hermošukšissah lisäsi: Moušot, miula on vuosijuhta. A tunnetun taiteilijan vuosijuhlakši aina järještetäh hänen tevokšien näytteley, pyöristään šilmät luottamukšella ilmotti hiän.

— Kyšy vaikka tuolta parrattomalta taiteilijattareelta.

— No hyvä, lauhtu Anita, — šie levitit ne! A mitein niitää kačella?

— Juštih! šano Pyörykäini ta, ilomielin, vieri piirušukšie pitin. A šiitää venyttyäty kylelläh ta pani kiän piän alla.

“Amitä, još hänellä tosieh on šyntymäpäivä?”, ajatteli Anita ta rupesi kačcelomah piirušukšie.

— Ka šie olet ihan oikie grafikko!

Pyörykäini kuohautti.

— Vot šei na! A vielä musejošša olet töissä. Mie olen taiteilija, a grafikko on šemmoni diagramma tahi aikataulu. Koissa miula riippuu “Hyvän Pyörykäisen šyömisen, levon ta kisojen aikataulu”. Mie kun niän, jotta on vähän kujeheltu, niin ymmärrän, jotta on aika järještyä ilotulituš tahi kisat...

Anita rauhasša kuunteli ta kun Pyörykäni hilleni, šano:

— Grafikka on mualauštaitehen muoto.

Pyörykäini kaččo šuu auki ihašukšešta.

Antamatta šillä toipuo Anita lisäsi:

— Še on šitää, konša taiteilija piiruštau paperilla. A konša hiän mualau, ni šilloin še on mualauš. Esimerkiksi, šiehän olet piiruštan tämän kaiken värikynillä?

— Aha-a, niin onko še šilloin grafikka? hokšasi Pyörykäini. — On vet kaunista! Olen piiruštan repoja, nat’urmorttija ta maiselmieki.

Kertuoon tätä hiän juohatti pakšuhkolla šormella omih tevokših.

— Это — твой портрет,— гордо ответил автор,— правда, я тебе немного польстил. На самом деле ты не такая красавица, как на моём портрете.

— Конечно,— весело согласилась Анита.— А знаешь, чем график может ещё рисовать?

— А ты сама-то знаешь?

— Знаю. Пастелью, сангиной, например.

— Ну ты даёшь!— возмутился Колобок.— В мастерской ты говорила, что нужно писать картину сидя или стоя. А теперь говоришь, что «в постели», да ещё «с ангиной». Прямо кошмар какой-то!

Анита рассмеялась.

— Да не с ангиной, а сангина — это такие красивые цветные мелки. Пастель напоминает сухую твердую пасту. В её состав входит мел. И поэтому цвета пастели очень нежные и красивые. А сангина — мелок красновато-коричневого цвета. В переводе с французского слово «сангина» означает «кровавый», и, действительно, этот мелок напоминает по цвету запёкшуюся на ранке кровь.

— Ужас!— моментально отреагировал Колобок.— Уж лучше рисовать чем-нибудь другим.

— Хорошо,— кивнула Анита.— Художник-график часто рисует углём. Уголь оставляет на бумаге очень красивую бархатисто-черную линию.

— Ура!— закричал шалун,— я тоже хочу углём!— и достал из кармана спички.— Сейчас мы тут быстренько разведём костёр, сделаем угли и будем рисовать.

Всё это он произносил, быстро чиркая спичкой и пытаясь поджечь бумагу. Анита едва успела выхватить спички из рук хулигана.

— Стой, не надо костров! У меня в столе есть коробка с углём для рисования.

И они поспешили в музейный кабинет. Там Колобок устроился на полу и в упоении возил по бумаге угольной палочкой, завёрнутой в бумажку, чтобы не пачкать руки. Время от времени он отходил от рисунка и любовно произносил: «Не могу передать словами, как он прекрасен!».

Вдруг Колобок случайно задел ладонью одну из линий и она размазалась.

— Ой,— и в его глазах закипели слёзы,— всё пропало...

— A mipä tämä on? Anita juohatti hienoilla tikku-käpäläisillä šeisojah pöpökkäh.

— Tämä on šiun muotokuva, ylpiešti vaštasi luatija, — oikiešti šanuon olen vähän liukua kaunistan silma. Oikieštah šie et ole niin kaunis, kuin olet miun muotokuvaăša.

— Tietyshi, ilomielin suoštu Anita. — A tijjätkö šie, millä vielä grafikko voipi piiruştua?

— A tijjätkö šie ičē?

— Tijjän. Esimerkiksi, pastellilla, sangiinalla.

— Vot šei na! šiänty Pyörykäini. — Työpajaăša šie pakasit, jotta tauluo pitäy mualata istuol'l'ah tahi šeisuol'l'ah. A nyt šie šanot, jotta “paistamalla”, ta vielä “šankin alla”. Kauhieta! Anita nakrahti.

— Ei “šankin alla”, kun sangiinalla. Pastelli ta sangiina ollah šemmoset kaunehet väriiliutut. Pastelli muissuttau kuivua kovua tahnua. Šiinä on liituo. Ta šentäh pastellit ollah tovella hellät ta kaunehet. A sangiina on ruškie-pruuinin väriini liitu. Ranškan kieleššä “sangiina” tarkottau “veris-tä”, ta tovellaahki tämä liitu muissuttau huavan piällä kuivunutta vertä.

— Kauhieta! äkkie iänti Pyörykäini. — Parempi on piiruştua millänih toisella.

— Hyvä, nyökkähytti piätäh Anita. — Taiteilija-grafikko rikeneh piiruştau hiilellä. Hiili jät-täy paperih tovella kaunehen barhattimaisen mušsan viivan.

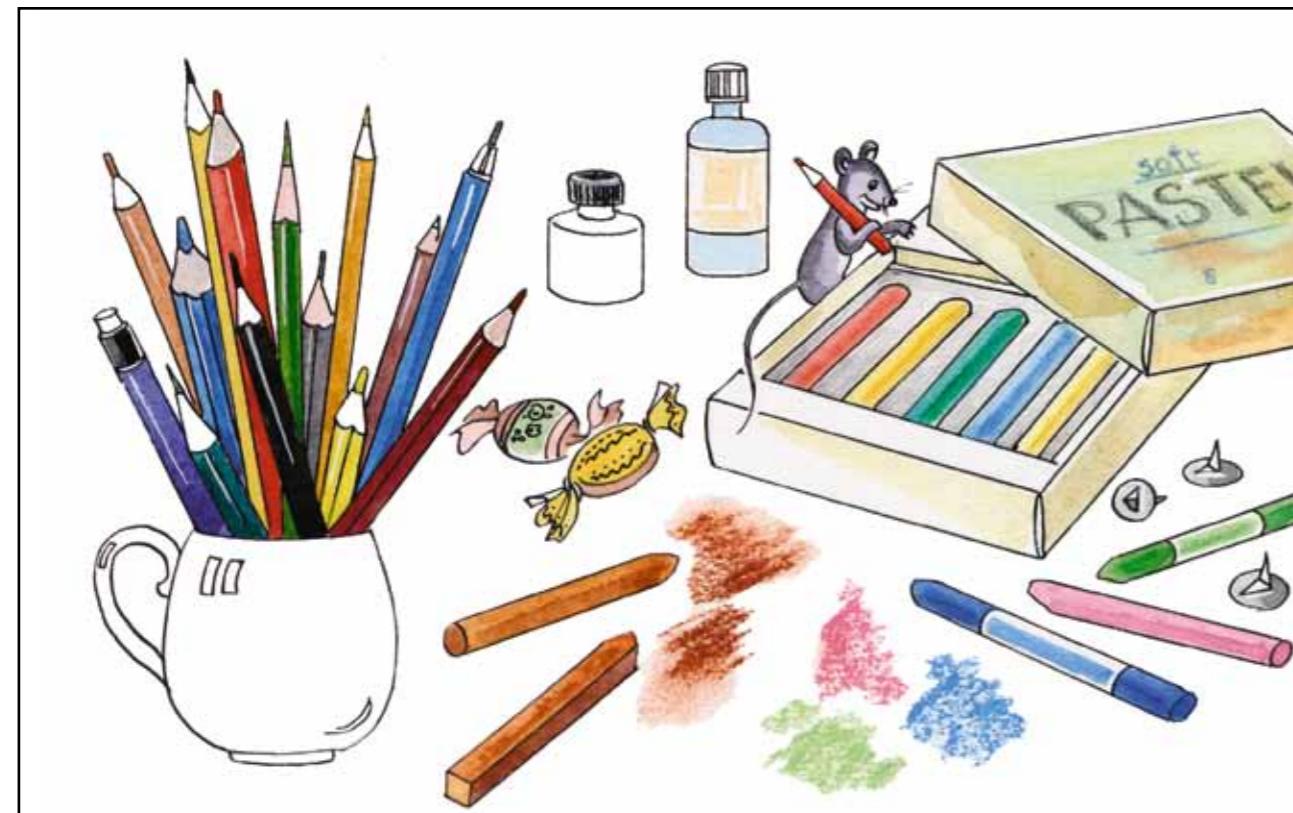
— Hurraa! karjahti veitikkä, — mie niise tahon hiilellä! ta otti kormanoštah tulitikut. — Nyt myö tiälä ruttoh viritämä ropivon, šuamma hiilet ta rupiemma piiruştamah.

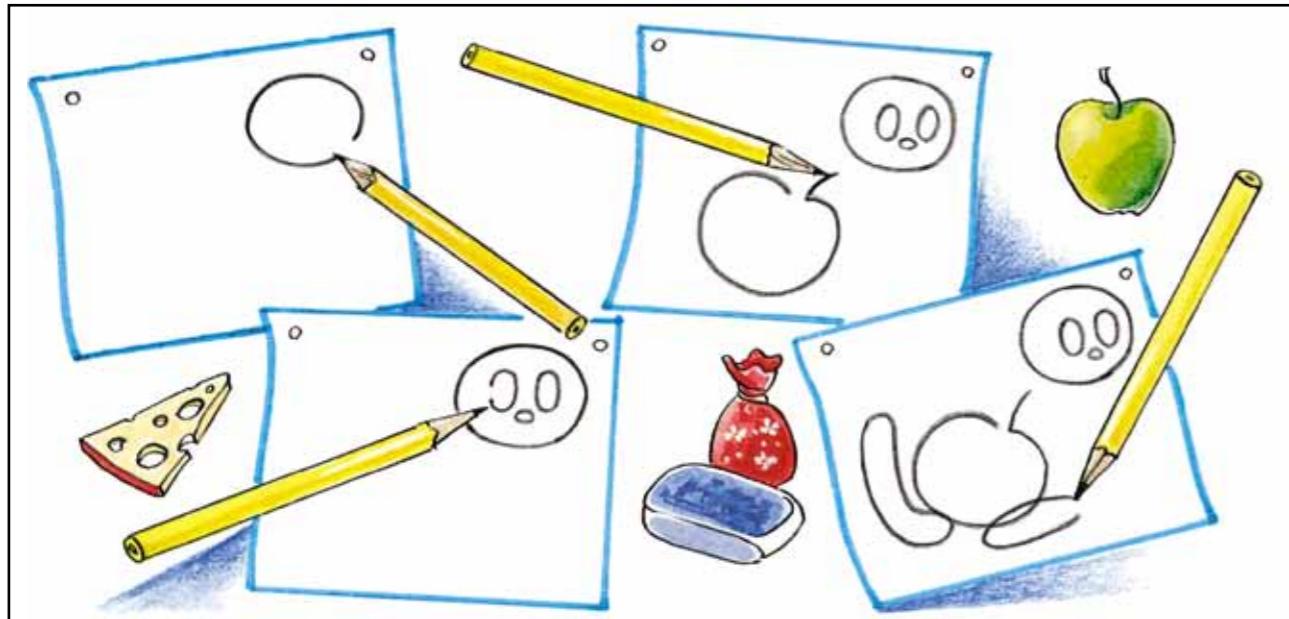
Hiän paissa papatti ta šamalla yritti piirtyä tulitikkuo štytäyäkshēh paperi. Anita otva kerkisi vejältyä tikut veitikän käsistä.

— Vuota, ei tarviče tulta! Miula stolaăša on luatikko, missä on piiruştamiseh tarkotettuja hiilijä.

Ta hyö kiirehettih musejotyōhuoneheh, missä Pyörykäini istuu lattiella, otti käteh paperih kiärtyn hiilipuikon ta ihašukšissah alko piirrellä viivoja paperilla. Hiili oli kiärrity paperih, jotta kiät ei likautuis. Väillä hiän käveli loitommakši piirušukšeštah ta ihaštunohti šaneli: “En šuata kertuo šanoilla. Onpa tuo kaunis!”.

Yhtäkkie Pyörykäini šattumalla košetti kämmenellä yhtä viivua ta še levittäyty.

— Не расстраивайся,— утешала Анита.— С углём надо быть очень осторожным. Такие рисунки всегда закрепляют сверху лаком, чтобы они не размазывались,— объяснила она.

— Я хочу тебе в утешение кое-что подарить,— Анита протянула Колобку банку варенья, которую уже давно принесла для маленького сладкоежки.

Слёзы в глазах Колобка моментально высохли, и он прижал банку к груди.

— А знаешь, чем всё-таки график рисует чаще всего?— продолжала Анита.

Колобок лишь вопросительно взглянул на неё. Рот его был набит вареньем.

— Простым карандашом. Даже живописец и скульптор сначала придумывают своё произведение с карандашом в руках.

— Рисовать простым карандашом,— рассуждал, облизывая пальцы, румяный толстячок,— очень скучно. Вот углём— это другое дело!

— Конечно, техника угля очень красивая,— согласилась сотрудница музея, — хотя можно ведь рисовать линии и углём, и тушью, и чернилами,— сказала Анита.— Но карандашная линия ничуть не скучная. Она может быть даже волшебной. Хочешь, я расскажу тебе сказку про карандаш, которую придумал художник Владимир Сутеев?

Колобок кивнул и уселился поудобней.

— Однажды мышонок нашёл карандаш и решил его сгрызть, так как у него очень чесались зубы. Но карандаш сказал:

— Дай мне в последний раз что-нибудь нарисовать.

— Хорошо,— сказал мышонок,— рисуй, но потом я тебя разгрызу на мелкие кусочки.

Вздохнул тяжело карандаш и нарисовал кружок.

— Это сыр?— спросил мышонок.

— Может быть, и сыр,— сказал карандаш и нарисовал ещё три маленьких кружочка.

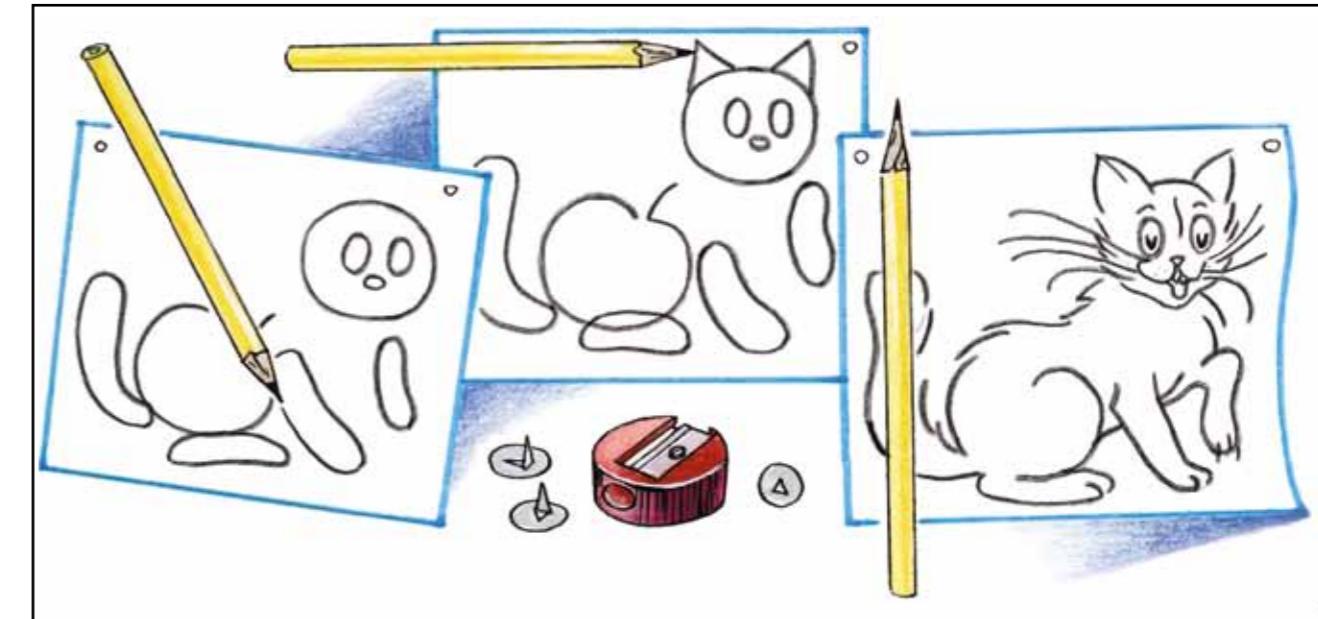
— Ну конечно, сыр, а это дырочки в нём,— догадался мышонок.

— Может быть, и дырочки,— согласился карандаш и нарисовал ещё один большой кружок.

— Это яблоко!— закричал мышонок.

— Может быть, и яблоко,— сказал карандаш и нарисовал несколько длинных кружочков.

— Я знаю, это сардельки!— закричал, облизываясь, мышонок.

— Voi, ta šilmih tuli kyynelie, — kaikki hävisi...

— Elä hermoššu, rauhotti Anita. — Hiilen kera pitää olla tovella varovaisena. Šemmoset piirušukset aina piällyšetäh lakalla, jotta ne ei levittävyttäis, šelitti hiän.

— Mie tahon viihyttyäkšeš lahjottua šiula kutamitā, Anita ojenti Pyörykäisellä varen'apurkin, kumpasen toi pienellä herkkušuulla.

Kyynelet heti kuivettih Pyörykäisen šilmistä, ta hiän paino purkin rintua vašsen.

— Tiijätkö šie, millä grafikko rikeneh piiruštau? jatko Anita.

Pyörykäini vain kyšvästi kačahti häneh. Šuu oli täyshi varenn'ua.

— Harmualla kynällä. Taitomularitki šekä kuvanveštäjät alušsa kekšitäh omua tevošta kynä kiässä.

— Piiruštua harmualla kynällä, ruškiepoškini pamppu mietiskeli nuollen šormijah, — on tovella ikävä. Vot hiilellä — on toini asie!

— Tietyšti, hiilellä piiruštamisen teknikka on oikein kaunis, šuoštu musejon ruataja, — vaikka viivoja voit piirtyä hiilellä, tušsilla tahi muistiella. — No ei še kynällä piirretty viiva ole yhtänä ikävä. Šiinä voipi olla taikuaki. Mie voisinkertuo šiula starinan kynästä? Šen on kekšin taiteilija Vladimir Sutejev.

Pyörykäini nyökkähytti piätäh ta istuutu parempi.

— Kerran hiirenpoikani löysi kynän ta meinasi purra šen, šentäh kuin hänellä hampahat oikein kuvattih. Ka kynä pyritti häntä:

— Anna miun viimesen kerran piiruštua mitäni.

— Hyvä, vaštasi hiirenpoikani, — piirušsa, ka šiitä mie puren šiut pieniksi paloiksi.

Kynä henkähti šyväh ta piirušti ympyrän.

— Onko tämä juušto? kyšy hiirenpoikani.

— Voit še olla juuštoki, šano kynä ta piirušti vielä kolme pientä ympyrää.

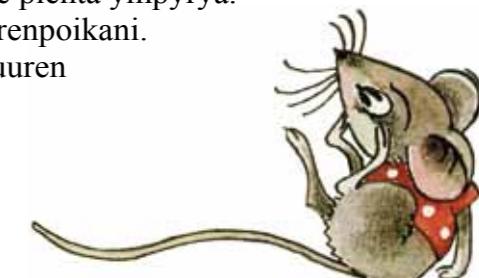
— Ka tietyšti juušto, a nuo ollah reijät šiinä, hokšasi hiirenpoikani.

— Moušot reijätki, šuoštu kynä ta piirušti vielä yhen šuuren ympyrän.

— Tämä on omena! karjahti hiirenpoikani.

— Moušot še on omenaki, šano kynä ta piirušti vielä muutoman pitän ympyrän.

— Mie tiijän, nämä ollah nakkija! karjahti nuolien huulieh hiirenpoikani.

А потом карандаш стал рисовать уголки. Мышонок закричал:

— Это похоже на ко... Не рисуй больше! Да это настоящая кошка! — пискнул испуганный мышонок. — Спасите! — и бросился к себе в норку.

Так волшебная линия спасла Карандашу жизнь.

— Замечательная сказка! — сказал Колобок, слезая со стула. — Но пока ты рассказывала, я придумал новую графическую технику — сладкую. Смотри!

И, окунув пальцы в варенье, он стал водить ими по бумаге.

— Это сладкая линия, изобретение самого круглого в мире Колобка, — довольно сообщил он. «Ах, — в ужасе думала Анита, — сколько времени уйдет на то, чтобы успеть до закрытия музея отмыть пол от варенья и убрать «выставку» из зала. А то попадёт мне завтра от директора!»

На стр. 40—41 использованы рисунки В. Сутеева.

A šiiä kynä rupesi piiruštamah kulmie. Hiirenpoikani karjeutu:

— Tämä näyttää kiš... Elä piirušsa enyä! Šehän on oikie kišša! piipitti pölästynyt hiirenpoikani. — Apuo! ta pujahti omah pešäh. Nän taikaviiva pelahti Kynän henken.

— Mainijo starina! šano Pyörykäini, šolahtuan stuulalta. — Ka kuni šie kerroit, mie kekšin uuvven grafisen keinon — makien. Kačo!

Ta, pissältyän šormet varen'n'ah hiän rupesi vetelömäh niitä paperie myötä.

— Tämä on muajilmašša pyöreimmän Pyörykäisen makie viiva, tytyväisenä šano hiän.

“Oh, kauhiessah ajatteli Anita, — kuin äijän aikua mänöy šiih, jotta keritä ennein musejon umpeh mänyö peššä late ta korjata pois “näyttely” šalista. Muiten šuan huomena johtajalta!”

Šivulla 40—41 on käytetty V. Suteevin piirušukšie.

ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 5

Что такое графика?

Какие материалы графика ты знаешь?

Чем отличается живопись от графики?

KYŠYMYKŠET LUKUH 5

Mi on grafika?

Mimmosie grafikon materialija šie tijät?

Millä mualauš eruou grafikašta?

Глава 6 АНИМАЛИСТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

В один прекрасный день в музей прямо на зонтике влетел запыхавшийся Колобок. Вид у него был весьма озабоченный.

— Я решил слетать к бабушке,— сообщил он.— А на кого я оставлю свой домик?!— И вдруг, просияв, добавил: «На тебя! Ты, я надеюсь, будешь вести себя в нём как настоящий музейщик?!».

— Это как?— спросила Анита.

— А так. Ты ничего не будешь трогать руками, будешь мести пыль,— прямо как у себя в музее, только ещё тщательней,— заявил он.

— Это почему ещё тщательней?— недоумевала Анита.

— Да потому, что мой домик — это мой музей. Я храню в нём свои шедевры. В основном, это графика. Но есть и скульптуры. Как раз одну мне надо срочно закончить. Полезай скорей со мной на чердак, а то как ты найдёшь мой домик после того, как я улечу?

Анита не была готова к такому повороту событий. Вытирая пыль — это несложно, не трогать руками тоже. Но дело было в том, что она очень боялась высоты. При мысли о пожарной лестнице, ведущей на чердак, у неё начала кружиться голова... но что не сделаешь ради дружбы, да и из любопытства.

Через несколько минут они оба уже стояли перед крохотной дверцей... обыкновенной микроволновой печки.

«Так вот что он называет домиком»,— подумала Анита.

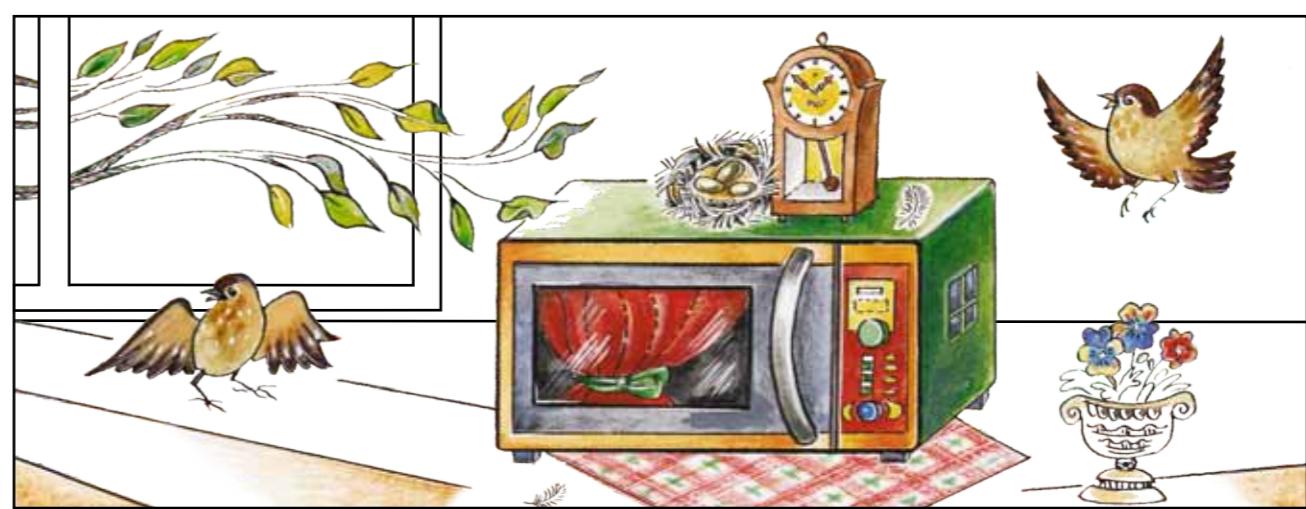
— Я нашёл его на улице. Не представляешь, каких трудов стоило поднять его сюда на моём моторе! Но зато здесь тепло и не дует,— и, с тревогой взглянув на Аниту, гостеприимный хозяин спросил,— я надеюсь, ты уже обедала?

— Конечно, не волнуйся,— успокоила его Анита.

Домик был совсем маленьkim. Аните пришлось согнуться в три погибели, чтобы заглянуть в него. Внутри он был битком набит всякой всячиной.

— Прямо как карманы Колобка,— подумала Анита.

По стенкам печки висели рисунки, под ними были этикетки. Одна из них была очень знакомой:

Luku 6 ELÄINAIHEINI TAITO

Eryähänä kaunehena päivänä henkästynyt Pyörykäini lenti sontikalla šuorah museojoh. Hiän näytti tovella hätytynytöltä.

— Mie piätin lentyä ämmön luo, ilmotti hiän. — Kelläpä mie jätän oman talosen?! Ta äkkie, iloštunuona, lisäsi:

— Siula! Mie toivon, jotta šie käyttäyvyt šiinä kuin tovellini musejonruataja?!

— Mitein še niin? kyšy Anita.

— A niin. Et koše mitänä käsillä, rupiet pyyhkimäh pölyjä, juštih niin kuin musejoššaš, vain vielä huolellisempi, ilmotti hiän.

— Mintähpä vielä huolellisempi? kummekši Anita.

— Šentäh kun miun kotini — on miun musejo. Mie šäilytän šiinä omie muasteritevokšie. Enimmäkshē, še on grafikka. Ka onki vešokšie. Miun juštih pitää kiirehešti šuaha valmehekši yksi niistä. Nouše rutompah miun kera lakkah, muitein mitein šie löyvät miun talosen šen jälkeh, kun mie lennän pois?

Anita ei ollut valmis, jotta tapahtumat niin kiännytäh. Pölyjen pyyhkimini — ei ole vaikie homma, ta kyllä voit olla koškomattaki mitänä. Ka šyynä oli še, jotta hiän varasi korkeutta. Yksi ajatuški lakkah viejistä palorappusista šai hänet pyörrykših ka kaveruon ta utelijaisuon nimissä voit ruatua vaikka mitä. Muutoman minuutin piäštä molommat jo šeisottih pikkaraisen oven iešsä... Še oli tavallini mikrohella.

“Ka vot mitä hiän nimittäy kojiksi”, ajatteli Anita.

— Mie löysin šen pihalla. Et šuata kuvitellakana, kuin äijän voimie mie panin kuni šain tuon kulettua tänne miun mouttorilla! Ka šen šijah tiälä on lämmin eikä tuule, ta pölästyntöysti kačahtuan Anitah, vierahanvarani isäntä kyšy:

— Mie toivon, šie olet jo šyölyn päivällistä?
— Tietyšti, elä hätyäle, rauhotti häntä Anita.
Taloni oli oikein pieni. Anitan piti mahottomašti koukistuo, jotta kurkistua šen šiämeh. Še oli täynnä kaikenmoista tavarua.

“Niin kuin Pyörykäisen kormanot,” ajatteli Anita.

Hellan šeinillä riputtih piirusukset, niijen alla oli nimilappuja. Yksi niistä oli ylen tutun näköni:

На полу валялись куски пластилина. Один из них Колобок продемонстрировал Аните.

— Я решил слепить себе памятник,— объяснял он.— Он называется «Колобок на коне». Это будет памятник живому, веселому, круглому Колобку, которого все знают.

— Ну и как, получается?— поинтересовалась Анита.

— Кое-что,— уклончиво ответил он,— коня я уже слепил. Это просто: берёшь пластилин, делаешь толстую колбаску, втыкаешь спички — раз, и готово, — и он показал изумленной Аните колбаску на ножках-спичках.

— А я вот ещё не очень получился. Ведь ты говорила, что в портрете нужно передать важные черты характера человека, так?

— Правильно,— подтвердила она.

— Так вот я и не могу никак решить, что важнее: что я румяный или что красивый, а может, что я самый талантливый?

— И долго ты лепил коня?— спросила Анита.

— Минут пять. Ведь я — самый быстрый в мире скульптор-лошадист,— гордо заявил хвастунишка.

— Ты хотел сказать «анималист».

— Кто-о-о?— переспросил «скульптор».

— Анималист,— повторила сотрудница музея,— это художник или скульптор, который изображает животных. От латинского слова «animal» — животное. Анималистический жанр в искусстве очень сложный. Ведь ни один зверь не будет специально позировать перед художником, животные всё время находятся в движении, и поэтому, чтобы запомнить какую-нибудь их позу, художник должен за ними долго наблюдать.

— Как я,— прервал её Колобок.— Минут десять наблюдаю, а потом рисую и леплю. Я — самый анималистический в мире.

— А я знаю,— наставила гостья,— что многие художники всю жизнь изучают животных: и в лесу, и тех, что живут дома.

— Чего там изучать-то?! Усы, лапы и хвост — вот и вся наука!— И он быстро нарисовал что-то на бумаге и протянул рисунок Аните.

— Славный котик,— вежливо сказала она.

— Какой котик!— возмутился Колобок.— Это кучный портрет собак.

— Какой портрет?— переспросила Анита.

— Ну... когда куча собак вместе...

— Ты хочешь сказать «группой». Такой портрет называется «групповой».

— Вот именно. Это групповой портрет собак, которые хотели меня съесть. Хорошо, что у меня был с собой мой волшебный зонтик. Они даже лаять перестали, когда я вдруг взмыл вверх,— победно закончил он.

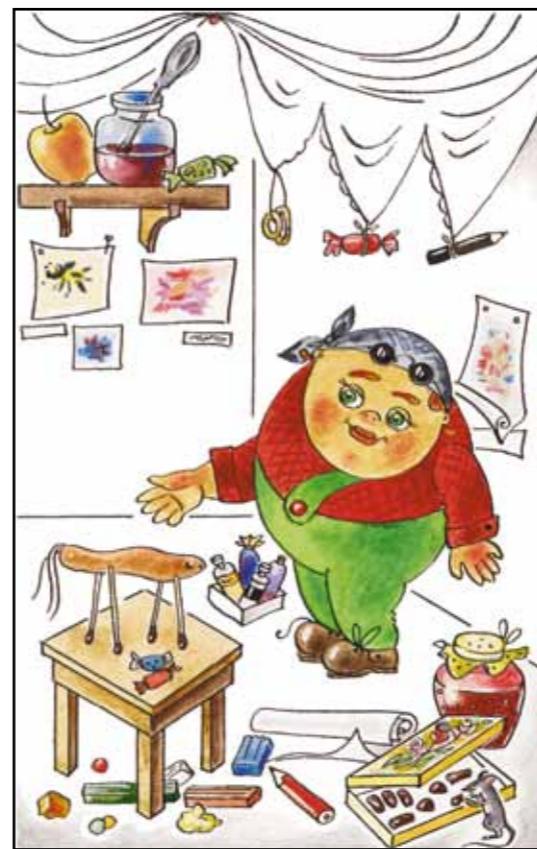
— Но ведь здесь нарисована только одна собака,— робко возразила Анита.

Колобок снисходительно рассмеялся.

— Ну ты смешная! Они же все были одинаковые — дворняги. А раз одинаковые, то достаточно изобразить одну. Это и будет групповой портрет.

Спорить было бесполезно. И все же сотрудница музея попробовала ещё раз:

— Колобок, ни собаки, ни кошки, ни другие животные не могут быть одинаковыми,— терпеливо объясняла она.— Большие, маленькие, пушистые, лохматые,— у них разные повадки, разные характеры, одни злые, другие добрые, весёлые... Художники замечают и это, а кстати, и то,

Lattiella veteliity plasteliinipaloja. Yhen niistä Pyörykäini esitti Anitalla.

— Mie piatin muovailla icelläni muistopaččahan, šelitti hiän. — Šen nimi on “Pyörykäini heposella”. Tämä tulou olomah muistopačš eläväällä, ilosella, pyöriellä Pyörykäisellä, kumpasen kaikki tijetäh.

— No, niin onnistuko? tijušteli Anita.

— Kuta-mitä, välyten vaştasi hiän, — hevosen olen jo muovannun. Še on helppo: otat plasteliinin, luajit pakšun makkaran, pissät tulitikut — ta i valmis, hiän näytti hämmästyntöllä Anitalla makkaran tikku-jaloilla.

— A vot mie iče en onnistun hyvin. Šiehän kerrotit, jotta muotokuvašsa pitää kuvata ihmisen luonnon tärkiet piirtehet, niin?

— Oikein, myönti Anita.

— Vot mie miteinkänä en voi piättyä, mi on tärkiemi: še, jotta mie olen ruškiepoškini, vain še, jotta olen kaunis, a moušot še, jotta olen lahjakkahin?

— Kuin pitälti šie olet muovannun hevoista? kyšy Anita.

— Viisi minuuttie. Miehän olen muajilmašša poikkoin heposien muovaja, ylpienä ilmotti voheltaja.

— Sie tahoit šanuo “animalisti”.

— Ke-e-en? kyšy “kuvanveštäjä”.

— Animalisti tahi eläinkuvien veštäjä, toisti musejon ruataja, — še on taiteilija tahi kuvanveštäjä, kumpani kuvuau eläimie. Toini nimi johtuu latinankieliseštä animal-šanašta, mi tarkottau eläintä. Eläinaiheini taito on ylen vaikie. Eläimethän ei ruveta piätäkauten olomah taiteilijan mallina. Ne aina liikutah ta jotta muistua nijien liikkehet, taiteilijan pitää kotvan aikah tarkkual'l'a niitä.

— Niin kuin mieki, keškeytti häntä Pyörykäini. — Kymmenen minuuttie tarkkual'en, a šiitää piiruššan ta muovuan. Mie olen paraš eläinkuvuaja muajilmašša.

— A mie tijjän, jatko vieraš, — jotta monet taiteilijat koko elämän ajan tutkitah eläimie: kuin meččaelukkoja, šamoin niitaki ket eletäh koissa.

— Mitä niissä on tutkittavua?! Viikšet, käpälät ta häntä — tuošša koko oppi! ta hiän ruttoh piirušti min lienöy paperilla ta ojenti piiruššukšen Anitalla.

— Hyväččaini kišša, leppiešti šano naini.

— Mi kišša! šiänty Pyörykäini. — Še on koirien laumamuotokuva.

— Mimmoni muotokuva? kyšy Anita.

— No... konša koirat yhytäh yhteh...

— Sie tahot šanuo “joukko”. Šemmoista muotokuvua nimitetäh “joukkomuotokuvakši”.

— Niin, juštih. Tämä on nijien koirien joukkomuotokuva, kumpaset tahottih šyyvvä miut. Hyvä, jotta miula matašša oli taikasontikka. Ne haukuntaki lopetettih, konša mie lennähin ylöš, voittomielsenä lopetti hiän.

— Ka tässhä on piirušsettu vain yksi koiraa, arašti šano vaštah Anita. Pyörykäini rupesi myötämielisešti nakramah.

— No olet šie huvittava! Nuohan ollah kaikki šamanmoiset — pihakoirat. A kun kerran ollah šamanmoiset, ni riittäy, kun kuvuau yhen. Šiitää i tulou joukkomuotokuva.

Oli turha kiistyä. Ka kuiteski musejonruataja yritti vielä kerran:

— Pyörykäini, ei koirat, eikä kiššat, eikä muut elukat voi ja olla šamanmoisie, käršivällisešti šelitteli hiän. — Šuuret, pienet. Pöyhiet, pörräkarvasset, — kaikilla niillä on erilaiset tavat, eri-

что многие люди похожи на животных. Говорят же: «Хитрый, как лиса. Неуклюжий, как медведь. Трещит, как сорока». Это наблюдение очень помогает им, например, тогда, когда они иллюстрируют сказки или басни.

— Художники-то замечают,— надулся радушный хозяин домика.— А ты заметила, что я скоро улетаю к бабушке, а ты не рассказала мне на прощание сказку и не дала конфетку?

— Ой, конечно,— всполошилась Анита.— Садись скорей, я расскажу тебе историю, которая возможно произошла с замечательным скульптором-анималистом Петром Клодтом, автором четырех замечательных композиций, изображающих укрощение дикого коня человеком. Они украшают Аничков мост в городе Санкт-Петербурге.

В это время проворные маленькие руки Колобка уже разворачивали конфету.

— Однажды,— начала свой рассказ Анита,— скульптор Клодт выехал на прогулку в коляске, запряжённой его собственными лошадьми. Вдруг невдалеке показался царский экипаж. В то время не то, что поравняться, а даже приближаться к царской коляске строго запрещалось. Но кучер Клодта решил обогнать царский экипаж и хлестнул коней. Царский кучер не мог этого снести и тоже стал изо всех сил хлестать своих коней. На глазах у изумленных жителей Петербурга началось бешеное соревнование двух экипажей. Кони Клодта победили, и его ждало страшное наказание. Разгневанный царь сам явился в мастерскую скульптора. И вдруг он увидел прекрасных бронзовых, готовых для установки на Аничковом мосту коней. Показав на них, царь спросил:

— Это те самые?— царь имел в виду коней, обогнавших его экипаж.

— Да, те самые,— ответил Клодт.

— За этих, за бронзовых, я тебя прощаю,— сказал царь.

— Вот как велика бывает сила искусства,— закончила Анита.

laiset luonnot, yhet ollah vihasie, toiset hyväsiämiset, ilosie... Taiteilijat huomatah šeki, jotta ihmiset muissutetah eläimie. Vot šanotahan: "Hiitroi kuin repo. Kömpelö kuin kontie. Hačattau kuin harakka". Ta nämä muisselmat oikein autetah heitā, esimerkiksi, šilloin, konša hyö kuvatah starinoja tahi opašettavie tarinoja.

— Taitelijat ne huomatah, talosen vierahanvarasella isännällä n'okka viäräh mäni. — A huomasitko šie, jotta mie kohta lennän ämmön luo, a šie et kerton jiähhyväisstarinua etkä antan karamellie?

— Voi, tietyšti, hätäyty Anita.

— Istuuuvvu rutompah, mie kerron šiula istorijan, kumpani višših tapahtu mainijolla eläinkuvien veštäjällä P'otr Klodtilla. P'otr Klodt oli luatin nellä ihanua veššošrakennehta, kumpaset kuvatah ihmisen villiheposen kešyttämistä. Ne korissetah Aničkovin šiltua Piiterissä.

Šillä aikua näpperät pienet kiät jo avattih karamellie.

— Kerran, alotti oman kertomukšen Anita, — kuvanveštäjä Klodt läksi ajelomah käryyllä, mih oli val'l'ašettu hänen omat heposet. Yhtäkkie lähellä ilmešty čuarin hevoisvaunu. Šiih aikah čuarin hevoisvaunu läheštymini rinnakkain ajamista pakajamattakana, oli ankarašti kielletty. Ka Klodtin kuški piätti ohittua čuarin hevoisvaunun ta šivalti heposie. Čuarin kuški ei voinun šietyä tätä ta niise täytä voimua rupesi ruoškimah omie heposie. Hämmäštynyt Piiterin eläjät šeurrattih kahen hevoisvaunun huimua kilpailuo. Klodtin heposet voitettih, ta häntä vuotti kauhie rankaisuš. Vihani čuari iče tuli kuvanveštäjän työpajah. Yhtäkkie hiän näki komiet pronššiheposet, kumpaset oltih jo valmehet ašettamiseh Aničkovin šillalla.

Juohattuan niih čuari kyšy:

— Ollahko ne juštih niitä? čuari tarkotti heposie, kumpaset ohitettih hänen hevoisvaunun.

— Kyllä, juštih ne, vaštasi Klodt.

— Näistä, pronššiheposista, mie prostin šiut, šano čuari.

— Vot kuin šuuri voit olla taitehen voima, lopetti Anita.

— Да,— подтвердил Колобок.— Представляю, что бы сказал царь, увидев мой памятник! Да он бы просто упал от счастья,— захихикал довольный шалун. И добавил:

— Знаешь, Анита, чем отличается мой домашний музей от того, где ты работаешь?

— Чем?

— А вот, ты мне ответь, только честно, у вас в музее все произведения шедевры?

— Нет, конечно. Очень редко музейная коллекция состоит из сплошных шедевров,— призналась она.

— Считай, что тебе повезло,— торжественно сообщил Колобок.— Ты находишься в музее, где собраны одни шедевры. Прочитай этикетки, там так и написано. А вам придётся всерьёз заняться вашей коллекцией,— заключил он,— и без меня вам явно не обойтись! Мы обсудим это, когда я вернусь.

— Конечно, скорей возвращайся. Я очень привязалась к тебе, хотя ты и неисправимый хвастунишка.

— Я не хвастун. Я самый правдивый в мире, крутой и круглый Колобок!

И с этими словами Колобок вылетел из своего домика, оставил после себя лёгкий и уже такой знакомый аромат ванили и корицы.

«Пока-а-а...»,— раздалось уже где-то вдалеке.

Анита махала ему вслед и думала, что теперь, без Колобка, её жизнь в музее станет грустной. Что ж, осталось только ждать следующей встречи.

— Kyllä, toisti Pyörykäini.. — Kuvittelen, mitä šanois čuari, još nákis miun pačahan! Hiän olis varmašti kupšahtan onnešta, hihitti tyytyväini veitikkä. Ta lisäsi:

— Tiijätkö, Anita, millä eruou kotimusejo šiitää, missä šie olet töissä?

— Millä?

— A vot šie vaštua miula rehellisešti, onko teilä musejošša kaikki tevokšet muasteritevokšie?

— Tietyšti ei. Tovella harvoin musejonkokonelmah kuulutah vain muasteritevokšet, tunnusti Anita.

— Ajattele, kuin šiula lykästi, juhlallisešti ilmotti Pyörykäini. — Šie olet musejošša, mih on kerätty vain muasteritevokšet. Luve nimilaput, niissä kaikki on kirjutettu. A teijän pitäy ihan tosieh ajatella omua kokoelmua, hiän piatti, — ta šiinä työ että varmašti ilman milma pärjyä! Šiitää pakajamma lisyä, konša myöšsyn.

— Tietyšti, myöšsy rutompah. Mie olen jo niin tottun šiuh, vaikka oletki parentamatoin voheltaja.

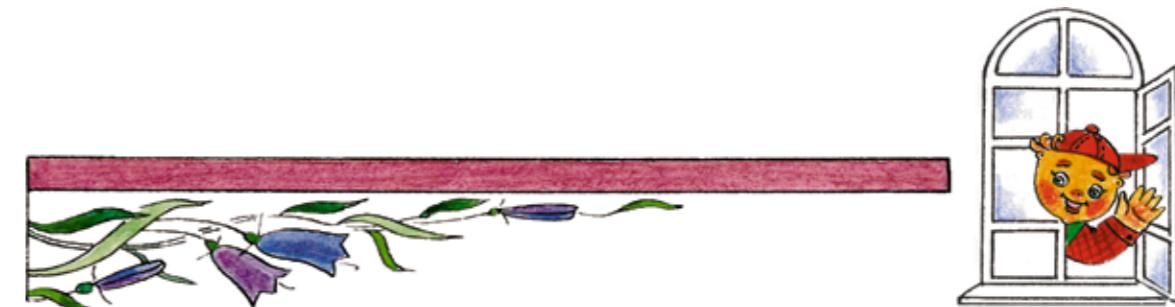
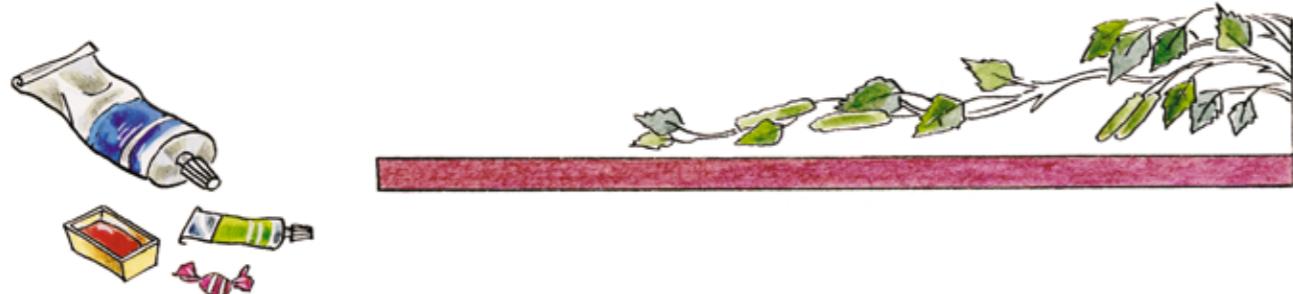
— En ole voheltaja. Olen rehellisin muajilmašša, mahtava ta pyörie Pyörykäini!

Tämän šanottuo Pyörykäini lennähti koistah, jättäen vienon ta jo niin tutun vanilin ta kanelin hajun.

“Hyvä-ä-ä-šti”, kuulu loittuota.

Anita heilutti kättäh hänellä jälkeh ta ajatteli, jotta nyt, ilman Pyörykäistä, hänen elämä musejošša muuttuu ikäväksi.

Ka mitäš täšä, jää vain vuottua šeuruavua tapuamista.

ВОПРОСЫ К ГЛАВЕ 6

Что означает латинское слово «animal»?

Что такое групповой портрет?

В чём состоит особенность и сложность
анималистического жанра?

KYŠYMYKŠET LUKUH 6

Mitä tarkottau latinankielini šana “animal”?

Mi on joukkomuotokuva?

Missä on eläinkuvauskšen lajin erikoisuš ta vaikeuš?

Ребята, помогите Колобку раздать
инструменты и материалы живописцу,
графику и скульптору.

ŠANAŠTO

Акварельная краска — Akvarellivärit
Автопортрет — Omakuva
Анималист — Animalisti
Вид искусства (живопись, графика, скульптура) —
Taitomuoto (mualauštaito, grafikka, kuvanveštötaito)
Выставка — Näyttely
График (художник) — Grafikko (taiteilija)
Жанр искусства (батальный, бытовой, исторический,
натюрморт, пейзаж, портрет) —
Taitolaji (taistelumualauš, istorijallini laji,
nat'urmortti, maiselmakuva, muotokuva)
Картина — Taulu
Кисть — Penšseli
Коллекция — Kokoelma
Копия — Kopio
Масляная краска — Voimuali
Мастерская (художника) — Työpaja (taiteilijan)
Мольберт — Mol'bertti
Палитра — Mualilauta
Памятник — Muistopačaš
Пластика — Plastikka
Подрамник — Kiilakehikkö
Репродукция — Reproduktijo
Рисунок — Piiruššuš
Скульптура — Vešoš
Художник — Taiteilija
Шедевр — Meštaritevoš
Этикетка — Nimilappu

Lapšukkaiset, auttakkua Pyörykäistä jakuamah
ruatovehkehet ta materialit taitomularilla,
grafikolla ta kuvanveštäjällä.

